АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ ФИЗИОЛОГИИ ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПСИХОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

пути для дальнейшего сотрудничества психологии и физиологии в области изучения человека

В условиях, когда границы между функциями человека и машины переместились, как мы об этом говорили выше, на уровень процессов управления, последнее приобретает, на наш взгляд, все возрастающее в перспективе значение. Развивающееся теперь сотрудничество различных наук для решения проблем, относящихся к высшим проявлениям человека, естественно, не может не распространяться и на психологию. При этом речь, разумеется, идет отнюдь не о механическом перенесении методов, принципов и идей из одной науки в другую; на это уже указывалось в нашей литературе [35].

В этой связи проблема психологии и физиологии высшей нервной деятельности человека уже не может стоять сейчас как проблема простого взаимного «перевода» понятий и терминов психологии на физиологический язык. Отказ в психологии от натуралистического, по сути биологизаторского подхода к человеку и утверждение общественно-исторической природы его психики позволили понять высшие психические процессы человека как продукт взаимодействия человека с окружающей его действительностью, взаимодействия, в котором происходит «присвоение» им достижений предшествующих поколений, воплощенных в мире объективных человеческих предметов и явлений. Психологическое исследование этого процесса неизбежно ставит перед физиологией высшей нервной деятельности вопрос о тех, специфических для человеческого мозга функциональных объединениях, формирование которых позволяет осуществляться указанному процессу. Этот вопрос возникает, в частности, и в связи с тем анализом человеческой деятельности, который был бегло очерчен нами выше. Его рассмотрение, однако, уже выходит за рамки настоящего доклада.

---

[35] См. А. И. Берг. Проблемы управления и кибернетика; С. М. Шалютин. О кибернетике и сфере ее применения. Сб. «Философские вопросы кибернетики». М., Соцэкгиз, 1961, стр. 167—179, 44—56.

Ф. В. БАССИН

СОЗНАНИЕ И «БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ»

Проблема сознания относится к числу наиболее сложных и во многом еще недостаточно ясных вопросов, от решения которых зависит дальнейшее углубление представлений о функциях человеческого мозга и об отношениях, существующих между человеком и его средой.

Эта проблема разрабатывается на протяжении многих лет одновременно с разных теоретических и клинических позиций: психологии и социологии, биологии и нейрофизиологии, психиатрии и невропатологии. Ею занимается как одною из своих фундаментальных тем и философия.

Исследования, проводимые этими науками, освещают качественно разные аспекты проблемы сознания. Обобщение множества разнородных данных оказалось сопряженным с огромными трудностями. В рамках одной и той же дисциплины нередко обнаруживаются глубокие расхождения в толковании, вызванные тем, что одним и тем же терминам разные школы и направления придают неодинаковый смысл.

Вторая причина, серьезно осложнившая анализ проблемы сознания, состоит в том, что определенной области теории сознания — учению о бессознательном, или, как гораздо правильнее говорить, учению о формах высшей нервной деятельности, не сопровождаемых осознанием вызываемого ими поведения, долгое время не уделялось внимание, соответствующее той важной роли, которую играют эти своеобразные проявления мозговой активности. Эта недооценка теории неосознаваемых психических процессов явилась утрированной и потому неадекватной реакцией на псевдонаучный характер, приданный теории «бессознательного» идеалистической философией и фрейдизмом. В результате этого правильное развитие важной проблематики было на многие годы задержано. Ущерб, который был нанесен

теории и клинике этим неоправданным самоустранением диалектико-материалистически ориентированных исследователей от научного рассмотрения важной категории психических и нервных процессов, мы только теперь начинаем как следует понимать.

И, наконец, третья причина до настоящего времени затрудняющая разработку проблемы сознания, заключается в следующем. Марксистская философия утверждает в качестве тезиса первостепенного значения представление об активном характере сознания, о неразрывной связи последнего с деятельностью. Сознание, подчеркивает Энгельс, формируется деятельностью, чтобы, в свою очередь, влиять на эту деятельность, определяя и регулируя ее. Понимание сознания не как пассивного отражения, а как действенного отношения к среде, включающего сложную систему субъективных мотивов и оценок, потребностей и интересов, позволяет резко отграничить диалектико-материалистическое понимание природы сознания от истолкования сознания многими направлениями идеалистической психологии. Диалектико-материалистическая трактовка сознания как действенного отношения к среде оказывается тесно увязанной с проблемами структуры деятельности и регуляции поведения. А из-за этого анализ проблемы сознания логически переходит в рассмотрение ряда сложных вопросов, поднятых современной теорией биологического регулирования и новейшим развитием рефлекторной теории.

Разрабатывая проблему сознания, советские исследователи исходят из принципиальных положений, сформулированных основоположниками диалектического материализма. У Маркса интерес к проблеме факторов, формирующих человеческое сознание, может быть прослежен, начиная с наиболее ранних его работ. Уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» содержится в качестве основного положения мысль о ведущей роли деятельности в формировании человеческого сознания, о зависимости сознания от предметного мира, порождаемого человеческой практикой и историей человека как общественного существа. В более поздних произведениях, в частности, в «Немецкой идеологии», Маркс и Энгельс неоднократно возвращаются к этому фундаментальному положению об общественной природе сознания, всесторонне углубляя и развивая его. А в дальнейшем Энгельс, в «Диалектике природы» и в других работах, конкретизирует этот общий тезис, раскрывая его значение для понимания антропогенеза и роли, которую для развития сознания имеет практика, направленная на удовлетворение потребностей. Он освещает зависимость сознания от условий производства и исторической смены этих условий и подчеркивает также обратный процесс влияния сознания на породившее его общественное бытие. К этим же вопросам возвра-

щается и Маркс в «Капитале» и во многих других более поздних произведениях. Наиболее развитое и завершенное выражение концепция общественной природы сознания находит в ленинских работах, посвященных теории отражения, и во фрагментах, затрагивающих вопросы психологии, особенно в «Материализме и эмпириокритицизме» и в «Философских тетрадях».

Учение об общественной природе сознания явилось ведущей методологической базой при разработке советской наукой всей проблемы сознания.

Серьезной попыткой разработки проблемы сознания являются труды С. Л. Рубинштейна. Сознание, говорит он, это прежде всего, «осознание субъектом объективной реальности» [1]. Сознание это есть «знание о чем-то», о том, «как объект противостоит познающему субъекту». В данном случае на передний план выдвигаются основные, принципиальные характеристики, из которых вытекает ряд важных следствий.

Во-первых, нетождественность «сознательного» и «психического» в широком понимании. Сознательное противостоит психическому как особая, высшая его форма, возникающая у человека, лишь тогда и поскольку, когда и поскольку человек выделяет себя из окружающего предметного мира. Тем самым сознание выступает как форма психической жизни, требующая длительного и сложного созревания в онтогенезе.

Во-вторых, осознание субъектом внешнего мира «как объекта, противостоящего познающему субъекту», связано с переходом к определенным формам обобщения и к фиксации этих обобщений в речи. Обобщение и речь являются продуктом общественно-исторического процесса. В этом смысле любой акт сознания, даже связанный с наиболее «натуральными» («внесоциальными») содержаниями, является феноменом общественно обусловленным, скрыто опирающимся на всю предысторию человеческого общества и не мыслимым вне этой предшествующей истории.

В-третьих, неизбежная социальная обусловленность любого проявления индивидуального сознания ни в коем случае не предполагает отождествления этого индивидуального сознания с сознанием общественным, т. е. с совокупностью идей, характеризующих не индивид, а общественную формацию. Общественное сознание влияет на сознание индивидуальное, но степень этого влияния может быть в разных случаях разной, и уже хотя бы поэтому одному расхождения между сознанием индивидуальным и сознанием общественным могут варьировать в очень широком диапозоне.

---

[1] С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. Изд-во АН СССР, 1959, стр. 153.

В-четвертых, для марксистской трактовки сознания важным является признание того, что осознание субъектом внешней реальности никогда не носит, как это подчеркивает Ленин, характера пассивного, безучастно-зеркального отражения. Сам факт осознания объектов внешнего мира как «предметов», т. е. как объектов, увязанных с деятельностью, уже выражает существование определенного отношения познающего субъекта к этим объектам и, следовательно, неразрывную связь «осознания» с этим «отношением». Именно в этом смысле надо понимать исходный тезис Маркса: «Мое сознание это мое отношение к моей среде», утверждающий жизненный характер сознания, слияние последнего со всей совокупностью конкретных потребностей и мотивов деятельности человека.

И, наконец, в-пятых, если сознание — это «осознание объективной реальности», выражающее определенное отношение к последней, то тем самым становится ясной основная функция сознания. Отношение к миру может раскрываться только в деятельности, преобразующей этот мир. Сознание, таким образом, с одной стороны, является функцией бытия, а с другой,— оно выполняет функцию регулятора деятельности человека. Отражение внешнего мира, носящее характер его предметного «осознания», и изменение внешнего мира, носящее, благодаря «осознанию», характер «поступков» и «деятельности» (а не простого реагирования), являются специфическими функциями человека как продукта всемирно-исторического процесса, или, как говорит С. Л. Рубинштейн, характеристикой «своеобразного способа существования, свойственного человеку» [2].

Только с общих философских позиций мы можем правильно понять роль, которую играет сознание в жизни человека, с тех пор, как оно на заре истории человечества забрезжило робкой искрой.

Созданное марксистско-ленинской философией учение об исторической природе сознания подчеркнуло, таким образом, крайне сложную детерминированность сознания, зависимость последнего от факторов как физиологического, так и социального порядка. Тем самым в центр теории сознания была поставлена проблема влияний, оказываемых на сознание процессами качественно разнородного типа. А эта проблема настоятельно потребовала методологически правильного раскрытия отношений, существующих между высшей нервной деятельностью, в понимании И. П. Павлова, с одной стороны, и психической деятельностью, изучаемой психологией и обществоведением,— с другой.

Одним из выводов гегелевской диалектики, принятых и критически переосмысленных Марксом, является принципиальный

---

[2] С. Л. Рубинштейн Принципы и пути развития психологии, стр. 162.

тезис, по которому одна и та же «вещь» выступает в разном виде приобретает разное значение и форму, в зависимости от того, в систему каких связей и отношений она включена. Эта диалектическая трактовка «вещи», как одновременно тождественной и не тождественной самой себе, имеет особое значение для философски правильного решения той проблемы, которая стоит сейчас перед нами.

Если мы зададимся вопросом: изучает ли теория высшей нервной деятельности и теория психической деятельности один и тот же предмет, одни и те же явления и процессы, то ответ может быть только положительным. И. П. Павлов многократно подчеркивал, что в его понимании высшая нервная деятельность это и есть деятельность психическая, что условный рефлекс — это одновременно феномен и физиологический и психический и т. д. Но если мы поставим вопрос: изучают ли эту единую реальность психология и теория высшей нервной деятельности как процесс, включенный в одну и ту же систему связей и отношений, то ответ должен быть отрицательным. Психология и учение о высшей нервной деятельности только потому и являются разными науками, что они одну и ту же реальность изучают как включенную в систему разных связей, как рассматриваемую в разных аспектах. Из такого понимания вытекает, оценка как философски неправильного механистического «сведения» качественно своеобразного аспекта психологии к столь же качественно своеобразному аспекту теории высшей нервной деятельности; взгляд о философской неправильности идеалистического отрицания единства предмета обеих наук и рассмотрения, в этой связи, психологии как дисциплины, посторонней учению о мозге; и, наконец, глубокая методологическая обоснованность поставленной И. П. Павловым задачи «наложения» психологических явлений на физиологические,— ибо, как подчеркивает диалектика, сущность любого явления может быть раскрыта только при сопоставлении данных, характеризующих это явление в разных системах связей и отношений.

Со времени написания бессмертного труда Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» прошло более полувека. За это время глубокий кризис, характерный для буржуазной философии, резко заострился. Продолжая традиции махизма, целый ряд направлений буржуазной философии более позднего периода (таких, как прагматизм, неореализм, семантика) всю силу своей критики направил на понятие «сознание», с тем чтобы построить философскую концепцию, в которой сознание, как категория, противопоставляемая материи, растворилось бы в системе «чистого опыта». Критика сознания стала в данном случае лишь своеобразной формой борьбы с материалистическим мировоззрением,— борьбы, проводимой фактически с позиций субъективного идеализма, но маскируемой лозунгами

преодоления «метафизичности» материализма, неприемлемости для последовательного научного мировоззрения устарелого «картезианского дуализма» (под которым понимается гносеологическое противопоставление материи и сознания) и т. п.

Для того, чтобы лучше понять, какие вопросы стоят в центре современных споров зарубежных философов и естественников о природе сознания как биологического и социального феномена, обратимся к рассмотрению некоторых, недавно происходивших за рубежом, развернутых дискуссий на эту тему. Одна из таких дискуссий, возможно, еще не завершенная, началась в 1960 г. на страницах центрального психоневрологического журнала ГДР «Psychiatrie, Neurologie und medizinische Psychologie». Другая дискуссия, отраженная в сборнике «Мозговые механизмы и сознание»[3], состоялась в Канаде еще в 1953 г. Третьей небезынтересной дискуссией явилось обсуждение проблемы сознания, существо которой подытожено в пяти специальных сборниках[4].

В немецкой дискуссии 1960 г. представляет интерес статья К. Вайншенка[5], принципиальные установки которой характерны для многих современных зарубежных авторов, находящихся под влиянием как идей павловской физиологии, так и представлений, развитых в 40—50-х г. преимущественно американскими исследователями функций ретикулярной формации мозгового ствола и таламуса.

Автор статьи, раскрывая главную функцию сознания, считает, что основной факт, который подлежит объяснению, заключается в том, что процесс афферентации, приводящий к физиологическим сдвигам в нервных структурах, воспринимается субъектом не как таковой, а как выражение изменений, происходящих в объективной среде. Для того чтобы процесс такой «экстериоризации» непосредственной мозговой данности в картину внешнего мира мог быть осуществлен, необходимо наличие в мозгу специального механизма или «органа». Таким органом автор и считает сознание.

Вайншенк останавливается на характеристике основных особенностей этого «органа». Он отказывается от рассмотрения сознания как эпифеномена нервной активности и подчеркивает его включенность в причинно связанную цепь механизмов, перерабатывающих информацию в мозговых структурах. Зависимость сознания от разнообразных изменений функционального состояния нервной системы заставляет автора считать

---

[3] См. «Brain Mechanisms and Consciousness». A symposium. Blackwell. Oxford, 1954.

[4] См. «Problems of consciousness», transactions of the 1-5 conferences (1950—1954). New-York, 1955.

[5] См. C Weinschenk. Über den Sitz des Bewußtseins. «Psychiatrie, Neurol. u. med. Psychologie», 1960, N 2.

сознание таким же проявлением жизнедеятельности как деятельность сердца или любой другой вегетативный процесс. Роль сознания как фактора поведения заключается, по автору, в регулировании переключения возбуждений с центрипетальных на центрифугальные пути и, тем самым, в регулировании процессов приспособления. Сознание может выполнять это регулирование, поскольку его содержание составляют лишь конечные результаты сложной нервной деятельности, протекающей в основном без участия сознания. В этом смысле сознательное, подчеркивает Вайншенк,— лишь «островок» в море неосознаваемой нервной активности.

Касаясь вопроса о локализации сознания, Вайншенк занимает следующую позицию. Старые опыты Гольца и Ротмана с собаками, у которых были удалены оба больших полушария головного мозга и, особенно, как подчеркивает Вайншенк, эксперименты И. П. Павлова позволили уточнить отношение сознания к формациям коры. Было установлено, что собаки, подвергавшиеся двусторонней гемисферэктомии, сохраняют в определенном объеме способность приспособления к окружающей обстановке, основанного на использовании врожденных механизмов. Вместе с тем они лишаются возможности использовать опыт, приобретенный в онтогенезе. Аналогичные данные были получены при исследовании многих других животных. Эти наблюдения позволяют, по мнению автора, заключать, что удаление коры не устраняет функцию сознания, хотя резко изменяет предметное содержание сознания и роль, которую последнее играет в процессах адаптации. А отсюда вытекает, говорит он что локализоваться сознание может только в подкорке.

Автор сочувственно излагает известные представления Пенфилда и Джаспера о локализуемости сознания в центральных отделах верхней части мозгового ствола. Он считает, что теория центрэнцефалической системы Пенфилда только подтверждает классические наблюдения Павлова и Гольца, показавшие, по его мнению, что для существования сознания нет необходимости в наличии коры и что, следовательно, сознание локализуется в подкорке. Вайншенк считает, что данные Павлова заставляют отвергнуть даже компромиссно звучащие представления Френча, по которым основой сознания является взаимосвязь активности корковых и подкорковых структур,— поскольку двусторонней гемисферэктомией эта взаимосвязь разрушается. Автор высказывает предположение, что подлинным «седалищем» сознания являются нервные структуры, узко локализованные в пределах ретикулярной формации мозгового ствола.

Статья Вайншенка представляет интерес потому, что в ней выделены аспекты проблемы сознания, привлекающие в современных дискуссиях наибольшее внимание: вопрос о многозначности и вытекающей отсюда неясности самого понятия

сознания; вопрос о функции сознания в отражении объективного мира и о роли сознания в организации нервных процессов и поведения; вопрос о правомерности аналогий между сознанием и чисто физиологическими вегетативными проявлениями жизнедеятельности организма; вопрос об отношениях, существующих между сознанием и «бессознательным», т. е. нервными процессами, участвующими в высших формах мозговой деятельности, но остающимися «за порогом» осознания; и, наконец,— проблема локализации сознания, решаемая Вайншенком, на основе резкого разграничения между структурами, обеспечивающими предметное содержание сознания (кора больших полушарий), и образованиями, обеспечивающими функцию сознания в ее узком, «собственном» смысле.

Трактовке Вайншенка противопоставляется позиция Д. Мюллера[6], который, прежде всего, обращает внимание на ускользающий от Вайншенка вопрос о необходимости различать такие понятия, как «сознание» и «психика». Он указывает на трудности, возникающие при слиянии этих понятий: на необходимость признания в таком случае любого нарушения психики расстройством сознания, что противоречило бы клиническим традициям; на необходимость допустить при таком слиянии существование сознания у животных, что вносило бы путаницу в данные зоопсихологии; на ликвидацию категории, выражающей качественное своеобразие психической деятельности человека и т. д. Понятие сознания превращается в трактовке Мюллера в специфический термин, требующий точного определения и отграничения от других психологических категорий. Мюллер указывает, что разделяемое им представление о сознании как о качественно своеобразной, высшей форме проявления психического, правомерно лишь в плане естествознания, в плане «онтологическом», в то время как при гносеологической трактовке понятие «сознание» употребляется как антитеза понятия материи и, следовательно, столь же правомерно, как синоним «психического». Одновременное существование двух разных смыслов понятия сознания — онтологического и гносеологического — не содержит внутреннего противоречия, ибо применяются эти разные смыслы при рассмотрении сознания в разных аспектах. Путаница возникает лишь тогда, когда гносеологический смысл проникает в естественнонаучные трактовки (или наоборот) и когда в результате именно такого логического соскальзывания начинают спорить, на каком уровне филогенеза «сознание» впервые возникает: у губок (по Лукасу), у червей (по Далю), у рыб (по Эдингеру) и т. д.

Другим моментом, привлекающим особое внимание Мюл-

[6] См. D. Müller. Bemerkungen zum «Sitz des Bewußtseins». «Psychiatrie, Neurol. u. med. Psychologie», 1960, N 2.

лера, является вопрос о трудностях логического порядка, сопутствующих представлению о локализуемости сознания. Мюллер подчеркивает условность определения любых ограниченных мозговых структур, как зоны локализации сознания, на основе одной только необходимости этих структур для проявлений сознания. Если положить в основу определения зоны локализации этот принцип «необходимости», то тогда придется, говорит он, распространить представление о подобной зоне даже на кровь, ибо, как известно, наличие определенного уровня сахара или калия в крови также является «необходимым» для существования сознания. Представление о существовании каких-то пространственно ограниченных областей мозга, в которых сознание «локализуется», равносильно, по Мюллеру, возврату к давно отзвучавшим воззрениям атомистической физиологии. Он полагает, что позиция Вайншенка говорит о приверженности к примитивным идеям, в духе Декарта, и характерна для биологизирующего подхода к проблеме сознания. Она игнорирует также важную закономерность, установленную сравнительной физиологией и показавшую, что функции филогенетически более новые возникающие на основе процессов прогрессивной энцефализации, характеризуются пространственно более распространенным, более диффузным центральным представительством. Все это заставляет Мюллера возражать против тезиса Вайншенка о локализуемости сознания в пределах каких-то пространственно ограниченных формаций мозгового ствола. Эта критика Мюллера основана, однако, не на экспериментально-физиологических, а на чисто теоретических соображениях.

Касаясь вопроса о функциях сетчатого вещества мозгового ствола и таламуса, имеющих отношение к проявлениям сознания, Мюллер отмечает, что эти функции лежат не в основе активности сознания, а лишь в основе регулирования степени возбудимости тех мозговых систем, которые непосредственно реализуют активность сознания. Эта тоническая регуляция проявляется субъективно отчетливее всего как изменения степени ясности сознания, т. е. как изменения характеристики, близкой той, которую Хэд предлагал называть «уровнем бодрствования». Поэтому, если и говорить о существовании какой-то особой связи между функциями ретикулярной формации и сознанием, то ни в чем другом, кроме регулирования физиологических предпосылок сознания, эту связь, по Мюллеру, видеть нельзя. А отождествлять эти предпосылки сознания с самим сознанием можно только грубо биологизируя всю постановку проблемы.

Мюллер обосновывает представление о сознании, как о категории принципиально не биологического, а социального порядка. Разумеется, сознание, подчеркивает он, возникло при наличии соответствующих физиологических условий, но оно

является следствием специфического для человека способа производства и на протяжении всей истории человечества, в первую очередь, зависело именно от трудового процесса. Сознание является не физиологическим, а социальным продуктом, определяемым факторами общественного порядка. Его формой является мышление, его содержанием — отражение общественного бытия. Физиологические предпосылки сознания могут иметь свои мозговые «центры», но рассматривать эти центры как область, в которой сознание «локализуется», было бы методологически неправильным.

Положения, защищаемые К. Вайншенком и Д. Мюллером, типичны для двух наиболее распространенных за рубежом и во многом антогонистических подходов к проблеме сознания. Для одного из них (Вайншенк) сознание — это лишь синоним «психического»; термин, обозначающий по существу, не более, чем способность к субъективным переживаниям; функция мозга, связанная с субстратом принципиально так же, как любой вид вегетативной деятельности и т. д. Для другого (Мюллер) сознание выступает как явление, созданное социально-историческим процессом и потому — как высшая, специфически человеческая форма психического, как феномен, имеющий свои мозговые, локализующиеся в определенных нервных структурах, физиологические предпосылки, но принципиально не сводимый к этим предпосылкам и т. д. Сопоставление этих подходов позволяет разграничить два главных современных зарубежных направления в анализе проблемы сознания, из которых одно исчерпывается рассмотрением сознания как категории биологического порядка, лишь насыщаемой социальным содержанием, а другое ограничивается пониманием сознания как категории общественной, лишь опирающейся в своем становлении на предпосылки биологического типа.

В работах более позднего периода в рамках каждой из обеих этих основных общих трактовок обнаруживается своеобразная эволюция представлений. Идея сознания как физиологической функции мозга связывается с традиционной для западной науки, после работ Шеррингтона, концепцией «интеграции». На этой основе были сделаны попытки определенные подкорковые формации рассматривать не только как структуры тонигенные, в смысле, придаваемом этому выражению павловской физиологией, не только как центры, регулирующие возбудимость коры, но и как субстрат, связанный в какой-то степени непосредственно с интегративной деятельностью мозга, а тем самым, следовательно, и с активностью сознания в ее наиболее сложных формах. Что же касается работ, подчеркивающих социальную природу сознания, то на них в последние годы отчетливо сказалось усиление влияний философии диалектического материализма. Благодаря этому влиянию в некоторых первоначально явно идеали-

стически ориентированных «социологических» концепциях сознания обнаруживаются сдвиги, приводящие постепенно их авторов к позициям более или менее близким философии марксизма.

Чтобы дать представление об этом характерном развитии идей, мы остановимся кратко на соображениях по поводу локализации сознания, высказанных несколько лет назад Фессаром, и на уточнениях, которые были внесены в немецкую дискуссию по проблеме сознания чешским исследователем Соукалом.

Фессар справедливо считается одним из ведущих теоретиков в разработке концепции сознания, электрофизиологические основы которой были заложены Джаспером, Моруцци, Гасто и др., нейрофизиологические — Мэгуном и его учениками, клинические — Пенфилдом.

Фессар подчеркивает, что подавляющее большинство исследователей не сомневается, что важнейшей предпосылкой сознания является способность к интеграции опыта. Употребляя этот термин, он имеет в виду способность к дифференцировке, сопоставлению и обобщению элементов опыта, приобретаемого индивидуально. В то же время интегрирующая деятельность является, по его мнению, важной формой активности центральной нервной системы. Мозг выступает как орган, специфической функцией которого является как генерация фугально распространяющихся возбуждений, так и интеграция непрерывно в него поступающих импульсных потоков, использование этих церебропетальных сигналов для организации временных и пространственных функциональных нервных структур, имеющих рабочее значение. Эта связь интегрирующей деятельности с сознанием, с одной стороны, и с работой мозга — с другой, заставляет поставить вопрос: какой же нервный субстрат наилучшим образом приспособлен для осуществления подобной деятельности? Получив ответ на этот вопрос, мы сможем, как полагает Фессар, с большим основанием заключить и о том, какой нервный субстрат следует рассматривать как преимущественно связанный с деятельностью сознания.

Фессар предвидит возможную критику идеи локализации сознания, типа той, которую развивает К. Мюллер. Он ее, однако, отводит, указывая, что мы вправе выделять в мозгу зоны, в которых разыгрываются процессы, определяющие существенные особенности сознания, хотя эти процессы, конечно, не исчерпывают всех условий, которые «необходимы» для реализации сознания. В споре Мюллера с Вайншенком о правомерности локализации сознания Фессар становится, таким образом, на сторону Вайншенка.

Далее Фессар ставит основной вопрос: с каким же субстратом следует связывать сознание? Он считает, что общее представление о локализации сознания в мозге как в едином «целом»

принципиально недостаточно, не продуктивно и не дооценивает новейших данных о разном значении для работы мозга повреждений различных его проводящих систем (Фессар имеет в виду опыты Сперри, Лешли, Эвартса и многих других, показавшие парадоксально малый эффект, который дают в некоторых случаях повреждения интракортикальных нервных путей и мозолистого тела, и, напротив, разрушительные последствия, которые вызывают, как правило, даже незначительные по объему повреждения вертикальных мозговых трасс). Значительно более эвристичными являются, по мнению Фессара, две другие возможности: связи сознания с процессами, локализованными преимущественно в корковых структурах или в ретикулярной формации мозгового ствола и диэнцефальной области.

Фессар пытается более серьезно подойти к оценке теории коры как субстрата сознания, чем это делают многие другие последователи учения о «центрэнцефалической системе» Пенфилда. Он считает, что сведения, которыми мы располагали об эффектах рассечения интракортикальных путей, еще недостаточны, чтобы считать исключенной возможность участия этих путей в осуществлении сложных форм интеграции. Он подчеркивает возможность взаимодействия между разными участками коры через подкорковые структуры и сетчатое вещество. Мы должны, однако, учитывать, говорит Фессар, крайне малую вероятность того, что неспецифические таламические и стволовые формации выступают в роли только простых реле, только индифферентных каналов импульсной связи. Гораздо более вероятно представление, по которому эти формации активно участвуют в переработке передаваемых импульсов потоков, а тем самым, следовательно, включаются в регулирование этих потоков.

Подобное регулирование может иметь разные формы. Оно может исчерпываться влияниями часто тонического порядка, которые оказывают на кору образования верхней части мозгового ствола неспецифические таламические структуры, и гипоталамическая область. В таком случае можно говорить об участии подкорковых структур в определении функционального состояния коры, но нельзя говорить о подлинном включении этих структур в интегративную деятельность коры. Возможна, однако, и другая интерпретация. Это второе толкование стало, по мнению Фессара, особенно вероятным после того, как во многих исследованиях была показана вся сложность кортикофугальных влияний на клетки сетчатого вещества и тенденции к конвергированию импульсов, генерируемых в разных областях коры, на этих клетках. Феномен конвергирования разнородных корковых сигналов в пределах сравнительно ограниченных зон сетчатого вещества явился главным доводом в пользу правомерности концепции «центрэнцефалической системы»: в нем авторы этой концепции увидели непосредственное физиологическое выражение процес-

сов, лежащих в основе наиболее сложных форм мозговой интеграции.

Принимая представление о конвергенции корковых импульсов в стволе и делая из этого представления далеко идущие выводы об участии ретикулярной формации в процессах нервной интеграции, Фессар не считает, что тем самым легко отвергается мысль о локализации сознания в коре. Поскольку зона конвергенции связана с корой системой двусторонних (кортико-фугальных и кортико-петальных) путей, всегда остается, говорит он, возможность считать, что главным эффектом деятельности всей этой сложной проводящей структуры оказываются лишь тонические воздействия на кору. Двусторонняя направленность корково-подкорковых связей внушает к тому же мысль о важном значении функциональной взаимосвязи различных мозговых уровней и поэтому Фессар (как и Пенфилд в его более поздних работах) склоняется в конце концов к представлению, по которому в «субстрат сознания» входят одновременно как корковые, так и центрэнцефалические мозговые формации.

Допустив возможность такого «компромиссного» решения, Фессар подчеркивает далее преимущества, создаваемые некоторыми, выявляемыми электрофизиологически, особенностями морфологического строения сетчатого вещества для участия последнего в процессах сложной переработки импульсных потоков. Однако он соблюдает благоразумную осторожность в истолковании этих преимуществ как доказательств непосредственной связи между активностью ретикулярной формации и сознанием. Фессар указывает, что наши знания еще недостаточны для уверенного решения вопроса о том, какие именно конкретные мозговые процессы являются ближайшим субстратом сознания.

Точки зрения Фессара и Вайншенка, при всем их различии, в принципиальном отношении во многом сходны: для обеих сознание выступает как чисто физиологический феномен, обе допускают возможность локализации сознания в определенных мозговых структурах, обеих не интересует вопрос о зависимости сознания от факторов социального порядка и о необходимости разграничения между понятием сознания и понятием психики. Хотя Вайншенк решает вопрос о локализации сознания лишь в общих чертах, только отрицая связь сознания с корой, а у Фессара мы видим более рафинированную и более осторожную трактовку,— чисто биологический подход к проблеме ни у одного из них не преодолевается и все вытекающие из принципиальной ограниченности этого подхода дефекты трактовки полностью остаются. Вместе с тем представление о физиологических механизмах, на которые опирается активность сознания, разработано Фессаром более глубоко. Именно эту эволюцию мы и имели в виду, когда говорили о своеобразном развитии представлений, которое можно проследить в рамках каждого из обоих

преобладающих за рубежом антагонистических подходов к проблеме сознания[7].

Если изложенные выше соображения Фессара хорошо иллюстрируют основную линию развития современных зарубежных представлений о физиологических механизмах сознания, то высказывания принявшего участие в немецкой дискуссии чешского исследователя Соукала не менее типичны для определенных тенденций современного развития зарубежных «социологических» трактовок сознания.

Соукал[8] обращает внимание на важный смысл понятия сознания, недостаточно учитываемый другими участниками дискуссии,— на широко используемое марксизмом понимание сознания как элемента «надстройки», т. е. на истолкование сознания как феномена, который не только обусловливается социальными факторами, но и характеризует определенные общественные формации.

Касаясь проблемы индивидуального сознания, Соукал подчеркивает важность принципиального разграничения между степенью ясности сознания, предопределяющей потенциальные возможности психического реагирования, и сознанием в его гностическом смысле как конкретным и содержательным отражением действительности. Необходимость подобного разграничения требует, по его мнению,— так же, как и по мнению Мюллера,— возвращения в какой-то форме к хэдовской концепции «уровней бодрствования», подкрепляемой во многом данными современной электрофизиологии. С этих позиций Соукал находит, что трактовка проблемы сознания, предлагаемая Мюллером, неправильна и основана на смешении понятий сознания индивидуального и сознания как элемента «надстройки», как категории общественно-исторического порядка. На такое смешение указывает, по мнению Соукала, то, что, по Мюллеру, содержанием сознания являются только «общественные» отношения; индивидуальное же сознание, подчеркивает он, отражает и целый ряд внесоциальных моментов. Общественное бытие создает предпосылки для формирования индивидуального сознания, причем бесспорным является, что общественное сознание как элемент «надстройки» оказывается одной из важнейших таких предпосылок. Но отождествлять индивидуальное сознание с этими его общественными предпосылками (ошибка, которую, по мнению Соукала, допускает Мюллер) столь же ошибочно, как отожде-

[7] Необходимо напомнить, что по времени работа Фессара предшествовала работе Вайншенка. Сопоставляя эти работы, мы имеем в виду, следовательно, не хронологическую связь между ними, а логическое отношение между трактовками, которые в этих исследованиях нашли свое типическое выражение. В целом же трактовка, представляемая Фессаром, относится к более позднему периоду, чем та, которая характеризуется позицией Вайншенка.

[8] См. J. Soukal. «Psychiatrie, Neurol. u. med. Psychologie», 1961, N 3.

ствлять его с предпосылками физиологическими (ошибка, которую, по мнению Мюллера, допускает Вайншенк).

Такое понимание Соукала является, конечно, существенным уточнением высказываний Мюллера, особенно важным для исправления некоторых ошибочных выводов, к которым Мюллер приходит по вопросу о локализации сознания. Соукал развивает в данном случае в более правильном направлении позицию Мюллера, так же как сложные представления Фессара исключают упрощенный подход Вайншенка.

В совокупности же все эти характерные трактовки достаточны, чтобы создать общее представление о круге вопросов, которые при современном обсуждении проблемы сознания за рубежом преимущественно затрагиваются, и о направлениях, в которых происходит дальнейшее развитие соответствующих идей. Если мы обратимся к другим дискуссиям на ту же тему, как, например, к обсуждению проблемы сознания, проводившемуся на протяжении ряда лет в США, то легко заметим, что принципиального расширения тематики не произошло. В этих дискуссиях был затронут ряд интересных частных вопросов, таких, например, как зависимость сознания от темпа биохимических процессов, как взаимоотношение сознания и эмоций, как связь сознания с явлениями гипноза и сна, как роль коры в поддерживании бодрствования на разных уровнях онтогенеза и т. д. Что же касается общих трактовок проблемы сознания, то участники этих обсуждений либо оставались в рамках очерченных выше двух антагонистических подходов, либо старались обходить проблемы общего характера, либо же,— и это преобладало,— пытались дать общее истолкование проблемы сознания в духе, подсказываемом психоаналитической концепцией.

Таковы подходы к постановке проблемы сознания, преобладающие за рубежом. Что можно сказать о них?

К. Вайншенк, отвергая представление о сознании как об эпифеномене физиологической активности, рассматривает сознание как определенное звено в причинно-связанной цепи событий, приводящих к конечным адаптационным эффектам мозговой деятельности. Однако он допускает неправильные толкования. Из того факта, что сознание для своей реализации требует определенных физиологических условий, в частности, нормального кровоснабжения мозга, Вайншенк заключает, что сознание является принципиально таким же проявлением жизнедеятельности, как и любой другой вегетативный процесс. Вся проблема социальной детерминированности сознания, таким образом, снимается и совершается возврат к представлениям вульгарных материалистов (Бюхнера, Молешотта и др.), по мнению которых, «сознание относится к мозгу так же, как желчеотделение к печени» и т. д.

Такое грубо механистическое понимание заставляет думать, что «сознание» для Вайншенка это всего лишь определенная физиологическая функция мозга, которую можно рассматривать в полном отвлечении от того психологического содержания, с которым она неразрывно связана. Правильно, на наш взгляд, подчеркивая, что принципиально сознание локализуемо, Вайншенк приходит к выводу, что наиболее вероятной зоной локализации сознания являются подкорковые формации, поскольку после гемисферэктомий у животных не исчезает реактивность, элементарная способность к адаптации и т. п. Этот вывод делает очевидным, что, по Вайншенку, сознание — это не более, чем способность к субъективному переживанию ощущений, не зависящая от того, что именно воспринимается; «внутреннее свечение», о котором говорил Ледд, или «самовосприятие живой материи», которое подсказывается философией спинозистского толка. При таком истолковании понятие «сознание», полностью биологизируясь, отождествляется с понятием «психика». В результате происходит то, запутывающее весь последующий анализ, проникновение понятия «сознание» в его гносеологическом смысле в «онтологическую» концепцию, то порочное смешение разных способов рассмотрения «психического», против которого предостерегал Ленин [9].

Мы не можем, следовательно, согласиться с подходом, который предлагает Вайншенк.

Основным дефектом этого подхода является биологизация всей проблемы сознания, сведéние роли сознания к чисто физиологической функции, словом, возврат к старому пониманию сознания как некоторой формы или способа переживаний, которые также безразличны к тому, что переживается, как, по ироническому выражению Л. С. Выготского, безразличны меха к налитому в них вину.

Мюллер подчеркивает зависимость сознания от социальных факторов и различие гносеологического и онтологического истолкований сознания. Тем самым он отвергает биологизирующую трактовку Вайншенка. Вместе с тем он допускает ряд характерных ошибок.

На вопрос о возможности локализации сознания он отвечает отрицательно. Выделение соответствующей зоны по признаку ее «необходимости» для реализации сознания приводит, по его мнению, к беспредельному расширению этой зоны, ибо условия, которые необходимы для реализации сознания, относятся к са-

---

[9] «За этими пределами (имеются в виду пределы гносеологических исследований.— *Ф. Б.*) оперировать с противоположностью материи и духа физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» (См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 259).

мым различным физиологическим процессам, в том числе и к протекающим за пределами нервной системы. Говорить о локализации сознания в пределах ограниченных мозговых структур, заявляет он, трудно также и потому, что эволюционная физиология указывает на нарастающую диффузность представительства более новых в филогенетическом отношении функций. Учитывая все это, можно, по Мюллеру, говорить о мозговой локализации только физиологических предпосылок сознания, но не сознания как такового.

Эта аргументация представляется нам несостоятельной. Если зона локализации условий, «необходимых» для реализации проявлений сознания, действительно, трудно ограничима, то зона локализации факторов, определяющих существенные особенности сознания, может быть, напротив, достаточно узкой. Это обстоятельство справедливо признает Фессар, усматривая именно в нем основание для выделения мозговых структур и процессов, имеющих особое отношение к сознанию, хотя очевидно, что «необходимые условия» реализации сознания охватывают гораздо более широкий класс явлений. Второй аргумент Мюллера парируется указанием на то, что за нарастающей диффузностью мозгового представительства филогенетически более новых функций скрывается, по-видимому, почти всегда лишь трудно распознаваемое усложнение системного характера этих функций, отнюдь не снимающее вопроса о локализуемости последних. И, наконец, заключительная формулировка Мюллера — «локализуемы лишь физиологические предпосылки сознания, но не сознание как таковое», характерная для многих зарубежных представителей «социологического» направления в анализе проблемы сознания, приводит к отрыву представления о сознании от представления о мозге. В ее основе лежит допущенная Мюллером логическая ошибка, на которую ему справедливо указывает Соукал, а именно: подмена понятия индивидуального сознания понятием общественного сознания.

Мы не можем согласиться с тезисом о нелокализуемости индивидуального сознания, если хотим быть последовательны с точки зрения тех исходных методологических положений, которые были приведены ранее. Если индивидуальное сознание — это та же высшая нервная деятельность (только рассматриваемая как включенная в особую систему связей и отношений), то логически неизбежным становится признание его локализуемости, его реализуемости тем же мозговым субстратом, который реализует высшую нервную деятельность. Противоположное толкование (представление о том, что локализуется только высшая нервная деятельность, но не индивидуальное сознание) логически несовместимо с идеей единства высшей нервной деятельности и сознания и означает приближение к идеалистическому отрыву теории сознания от учения о мозге. Соукал

поэтому прав, указывая, что представление Мюллера о нелокализуемости сознания имеет смысл, только если принять, что имеется в виду общественное сознание. Относить же этот тезис к индивидуальному сознанию, значит обречь себя на философскую путаницу. Из всего этого следует, что и с подходом к проблеме сознания, который разработал Мюллер, мы также полностью согласиться не можем.

И, наконец, несколько слов по поводу кратко охарактеризованной выше работы Фессара. Фессар, так же как Вайншенк, положительно решает вопрос о локализуемости сознания. Однако, в отличие от Вайншенка, он не связывает сознание лишь с деятельностью ретикулярной формации мозгового ствола и допускает возможность непосредственного вовлечения в активность сознания гораздо более широко распространенных мозговых систем, в том числе, корковых систем. Фессар обсуждает также, в какой степени сводима роль, которую играют в деятельности сознания экстракортикальные структуры, только к облегчающим и тормозящим эффектам. Аргументы, приводимые Фессаром в пользу того, что эта роль носит более сложный характер, представляют интерес с чисто физиологической точки зрения и экспериментально не могут быть легко отведены. Его высказывания хорошо иллюстрируют тот специфический подход к проблеме сознания, который характерен для современной зарубежной нейрофизиологии и который на передний план выдвигает вопрос о значении для определенных особенностей сознания функционального взаимодействия нервных структур, располагающихся на разных мозговых уровнях; ясного же определения роли коры в деятельности сознания при этом не дается.

Вместе с тем Фессар, так же как и Вайншенк, вовсе не затрагивает вопрос о социальной детерминированности сознания. Его подход к проблеме сознания остается чисто физиологическим и потому он осужден на рассмотрение в лучшем случае лишь определенного частного аспекта этой проблемы. Эту ограниченность анализа необходимо хорошо понимать, для того чтобы не произошла незаметно подмена предмета исследования, способная повлечь грубые методологические ошибки. Данные Фессара освещают такие частные вопросы, как проблему факторов степени ясности сознания, как вопрос о механизмах «уровня бодрствования» и т. п., но они отнюдь не помогают более глубокому пониманию сознания как «отношения». Поэтому коренной вопрос общей теории сознания — проблема сочетания данных физиологического и психологического анализа, вопрос о зависимости сознания как «отношения» от «уровня бодрствования» и, наоборот, вопрос о влияниях, оказываемых сознанием, понимаемым как отношение, на характеристики сознания, определяемые с помощью физиологических методов,— в работах Фессара и представляемой им школы даже не ставится. Именно в этом и про-

является методологическая ограниченность той трактовки сознания, которую разрабатывает Фессар, ограниченность не опасная, если она учитывается, и философски губительная, если исследователь или школа ее игнорируют.

Предшествующий анализ показывает, что если отвлечься от ясной и законченной диалектико-материалистической философской основы теории сознания, то весьма многое в последней является еще не завершенным и недостаточно ясным. Одним из наименее разработанных вопросов общей теории сознания, вызывающим на протяжении десятилетий наиболее острые споры и имеющим по многим причинам принципиальное значение в методологическом плане, является проблема так называемого бессознательного, т. е. проблема сложных форм мозговой активности, не сопровождающейся осознанием вызываемого ею приспособительного поведения.

Теория сознания сама на многих путях подводит к проблеме «бессознательного». Уже разграничение понятий «сознания» и «психики» ставит вопрос о существовании форм психической активности, находящихся «за порогом» сознания. К этому же вопросу косвенно подталкивает и физиологическая трактовка проблемы сознания.

Многие представители физиологического направления не учитывают в достаточной степени, что подход к проблеме сознания с позиций нейрофизиологии способен осветить лишь специфический частный аспект этой проблемы. Напротив, представители «социологического» подхода хорошо обычно понимают своеобразную и ограниченную роль, выполняемую физиологическим анализом в разработке теории сознания, и поэтому подчеркивают необходимость использования даже особых рабочих понятий, способных отразить эту специфику физиологической трактовки, типа идеи «уровней бодрствования» и некоторых сходных других.

Под «уровнем бодрствования» подразумевают, обычно, то же, что имеют в виду, когда на более привычном для клиники языке говорят об определенной степени ясности сознания или когда пользуются широко принятым в павловской физиологии представлением об изменениях «тонуса» мозговой коры. Какую бы терминологию в данном случае ни применяли, ею выражают существование определенной иерархии, определенной последовательности, своеобразной как бы «лестницы» изменений функционального состояния мозговых структур. На каждой ступени этой «лестницы» возможности и тип работы сознания изменяются и поэтому именно здесь можно с особой отчетливостью проследить всю глубину зависимости психологических характеристик сознания от факторов заведомо физиологического порядка.

С расширением сведений о так называемых неспецифических активирующих мозговых системах эта общая идея «иерархии»

функциональных состояний мозга принимала постепенно в последние годы все более конкретную форму. Особый же интерес она приобрела после того, как было установлено, что градация изменений, о которой можно заключать по характеру поведения, коррелирует с градацией состояний электрической активности мозга, выявляемой электроэнцефалографически и также, очевидно, отражающей разные степени или уровня функциональной активности центральных нервных образований. Благодаря тому, что электрофизиологические методы позволяют исследовать функциональное состояние мозга и во время сна, было обнаружено, что «лестница» изменений функционального состояния мозговых структур проявляется не только в условиях бодрствования, но что она отражает закономерную смену состояний, продолжающуюся и после засыпания[10]. Это сразу заострило вопросы, поднимавшиеся неоднократно и ранее: какие же формы функциональной активности сохраняются в условиях сонного торможения; исчерпываются ли они элементарными физиологическими и метаболическими процессами или же в условиях сна, на каких-то его этапах или фазах, может продолжаться, пусть в редуцированном виде, и мозговая деятельность более сложного типа, не исчерпывающаяся случайными замыканиями, лежащими в основе сновидений, но связанная определенным образом с прошедшим и предстоящим приспособительным поведением? Поводом для постановки таких вопросов явились помимо «спонтанной» изменчивости потенциалов спящего мозга и подчеркнутого в свое время павловской школой феномена «сторожевых пунктов» заторможенной коры, также некоторые другие физиологические факты.

Изучению физиологических механизмов, определяющих смену сна и бодрствования, уделялось на протяжении 40-х и начала 50-х годов очень много внимания. Это изучение стимулировалось открытием неизвестных ранее активирующих влияний, оказываемых ретикулярной формацией мозгового ствола и таламуса. Оно подтвердило правильность представлений о подкорковой регуляции тонуса высших мозговых уровней, которые без применения электрофизиологической методики павловская школа обосновала еще на заре века. Благодаря же тому, что это изучение основывалось на более тонких методах анализа, оно смогло значительно яснее выявить, какие именно конкретные физиологические системы и механизмы реализуют подобные тонические сдвиги. В дальнейшем исследования этого типа пошли по двум направлениям, представившим для теории сознания особый интерес. Во-первых, было предпринято изучение влияний, распространяющихся в обратном, т. е. в кортико-ретикулярном

[10] См. D. B. Linsley. Attention, consciousness, sleep and wakefulness. Handbook of physiol., vol. III, p. 1553 (Am. Phys. Soc.. Washington, 1960). EEG a. Cl. Neuroph. 4, 443, 1952.

направлении. Эти исследования дали много новых аргументов в пользу длительно оспаривавшихся представлений И. И. Павлова о возможности первично корковых тонических сдвигов, т. е. изменений мозгового тонуса, вызываемых с коры и распространяющихся по разнообразным вертикально ориентированным мозговым трассам кортикофугально. Важность этих исследований для теории сознания заключалась в том, что ими раскрывалась возможность более глубокого понимания изменений уровня бодрствования, обусловливаемых деятельностью самого же сознания.

Во-вторых, были предприняты попытки более точного изучения расхождений, существующих между биэлектрической «реакцией пробуждения» (т. е. феноменом десинхронизации мозговых потенциалов, говорящим о ретикулярной активации коры) и фактическим пробуждением от сна, происходящим у животного под влиянием различного рода внешних воздействий. Это направление исследований, которым мы во многом обязаны глубоким работам П. К. Анохина и его учеников[11], вновь обнаружило в высшей степени интересный факт возможности резких изменений функционального состояния корковых структур во время продолжающегося сна. Подобные изменения, носящие характер активной (десинхронизационной) реакции мозга на внешнюю стимуляцию, убедительно говорят о сложности форм мозговой деятельности, могущих происходить вопреки понижению уровня бодрствования. И хотя эти данные были выявлены, в основном, на животных, их можно рассматривать (так же, как упомянутые выше «спонтанные» изменения потенциалов сна) как своеобразные физиологические модели, подкрепляющие представление о существовании и у человека определенной независимости адаптационных форм деятельности мозга от уровня бодрствования, а, тем самым, следовательно, в какой-то мере,— и от степени ясности сознания.

Мы привели некоторые данные, дающие повод ставить вопрос о «бессознательном» даже в том случае, если мы остаемся полностью в рамках чисто физиологического подхода к проблеме сознания. Если же мы обратимся к психологии и психопатологии, то эти данные стремительно нарастают в количественном отношении и ставят нас перед лицом проблем, имеющих совершенно особое философское, научное и практическое значение. Методические подходы к этим проблемам пока еще во многом не ясны, идеологические же разногласия, которые они вызывают, носят крайне острый характер и многократно служили поводом для напряженной полемики. Неправильная трактовка именно этих проблем способствовала широкому распростране-

[11] См. П. К. Анохин. Взаимодействие специфических и неспецифических возбуждений в интегративной деятельности головного мозга. Доклад на сессии Института нормальной и патологической физиологии АМН, 1962.

нию в международном масштабе многих идеалистических и реакционных псевдонаучных концепций. К этой области было, к сожалению, на долгое время ослаблено внимание советских исследователей. Все это в целом заставляет рассматривать вопрос о «бессознательном» как одну из тех областей общей теории сознания, которые требуют в настоящее время особенно тщательного анализа, обдуманных и точных формулировок.

Проблема «бессознательного» тесно связана с именем З. Фрейда. Действительно, Фрейд и его последователи затратили огромные усилия, чтобы разработать определенную теорию «бессознательного», вначале как узко клиническую концепцию, имевшую целью объяснение природы истерии и неврозов, а затем как доктрину, которая, найдя широкое признание за рубежом (особенно, за последние десятилетия в США), распространила свое влияние на самые различные стороны духовной жизни, приобрела характер своеобразной философской системы и тесно сблизилась с направлениями мысли, наиболее враждебными общественному и научному прогрессу.

В России фрейдовскому учению еще в начале века были противопоставлены традиции объективного экспериментально-клинического подхода к функциональным синдромам и идеи нервизма, разработанные И. М. Сеченовым, И. П. Павловым, С. П. Боткиным, Н. Е. Введенским и их учениками.

За рубежом, однако, отношение к учению Фрейда совсем иное. Фрейдизм до сих пор является одним из доминирующих течений в буржуазной психологии, социологии и философии; его влияние отчетливо обнаруживается на так называемой психосоматической медицине; под знаком его широкого признания проходила работа всемирных психиатрических конгрессов 1950 и 1961 гг. и многих других международных совещаний последних лет; он добивается благосклонности даже в католических кругах (Бреннан, Мортимер Адлер); его влияние в неисчислимых формах обнаруживается в зарубежной художественной литературе, искусстве, кино, театре; а на его «созвучность» идеям новейшей физики указал недавно даже такой далекий, казалось бы, от психоаналитического направления исследователь, как основатель кибернетики Н. Винер.

Конечно, это влияние фрейдизма не следует переоценивать. Одной из наиболее характерных особенностей эволюции отношения к фрейдизму на протяжении последнего десятилетия за рубежом является очевидное и прогрессирующее нарастание идейной оппозиции этому направлению. Глубокую критику фрейдизма можно найти в исследованиях Г. Уэллса, в обстоятельном труде А. Метте, в работах Д. Мюллер — Хегемана, Ц. Михаловой, Ф. Вельдеши, О'Коннора, Д. Фарелла, А. Фугейролла, в трудах многих международных симпозиумов и в целом ряде других литературных источников. Особенно показа-

тельным в современной зарубежной оппозиции фрейдизму является то, что наиболее суровыми критиками психоанализа выступают такие лица, которые ранее защищали это учение, а затем на собственном опыте убедились в его несостоятельности. К числу подобных выступлений относится знакомая советским читателям монография Д. Фурста, статьи И. Мастерс, работы А. Батта, статьи Ф. Корвелло, воспоминания о Фрейде Ф. Д. Уортиса и немалое количество других работ аналогичного типа. Эта критическая струя в литературе последних лет убедительно показала не только научную примитивность психоаналитической концепции, но и ее терапевтическую бесплодность и неприкрытую реакционную роль.

Вместе с тем, если мы присмотримся к еще более широкому кругу работ, в которых затрагивается проблема фрейдизма,— работ, написанных ни убежденными противниками, ни безоговорочными сторонниками психоаналитической доктрины,— то легко подметить необычайную пестроту оттенков мнений, варьирующую от тенденции к скептическому игнорированию, высмеиванию или замалчиванию теории психоанализа, до стремления идти в той или иной форме на компромисс с ней и даже как-то сочетать фрейдовские представления с традициями и понятиями павловской физиологии, с применением электрофизиологических методов, с теорией ретикулярной формации и т. п.

В защиту такого своеобразного идейного компромисса неоднократно высказывались такие крупные деятели науки, как Б. Рассел и Пенфилд; в его пользу склонялись некоторые дружественно к нам относящиеся неврологи Индии, а также отдельные ученые США, Англии и Франции, придерживающиеся по другим вопросам стихийно-материалистических убеждений. Даже такой строгий во многих отношениях критик фрейдизма, как О'Коннор, считает возможным выделить в этой концепции определенные моменты как ценные, если бы их удалось очистить, как он выражается, от «мистического тумана», которым их опутывает фрейдизм. Особенно настойчиво мысль о желательности синтеза психоаналитического и павловского подхода проводилась на международной Фрейбургской конференции в в 1957 г., специально посвященной обсуждению взаимоотношений между учением Павлова и Фрейда (в выступлениях Микорея, Тайриха, Шейнерта, Саллера и др.). В какой-то мере эта же идея прозвучала и на I психосоматическом конгрессе, состоявшемся в Виттеле в июле прошлого года, на Монреальском психиатрическом конгрессе в 1961 г. и на некоторых других международных совещаниях последних лет, а также во многих экспериментальных и теоретических работах, выполненных авторами, близкими к психоаналитическому направлению (Массерманом, Хилгардом и Меркисом, Кюби и др.).

Какие же причины побуждают столь многих исследователей добиваться компромисса с учением Фрейда? Основным аргументом, который в таких случаях выдвигается, является указание на то, что концепция Фрейда является единственной теорией, признающей существование особого вида мозговой активности, так называемых бессознательных форм сложной психической деятельности, что фрейдизм — единственная концепция, указывающая метод, который позволяет эту особую активность выявлять и на нее воздействовать.

Какова же наша принципиальная позиция в отношении теории Фрейда? Она должна исходить, прежде всего, из признания недопустимости какого бы то ни было компромисса с психоаналитической методологией, предполагающей произвольное толкование субъективного опыта, с открытыми призывами некоторых адептов фрейдизма (Бриссе и др.) к подмене данных объективного научного анализа объективно неконтролируемыми результатами интроспекции и интуиции [12]. Ни о каком заимствовании каких-либо, даже частных, положений психоаналитической теории для нас, следовательно, не может быть и речи.

Вместе с тем очевидно, что мы ни в коем случае не должны скептически игнорировать проблему «бессознательного». Мы должны уметь показать всю неправильность представления, по которому существование неосознаваемых форм мозговой активности, влияющих на поведение, признается только фрейдизмом. Мы должны уметь разъяснить, что раскрыть пресловутую проблему «бессознательного» можно лишь на основе диалектико-материалистического учения и принципов павловского учения.

Сказанное выше делает понятным обстоятельства, которые вновь в последние годы придали серьезное значение задаче борьбы с новейшими модификациями фрейдизма. Возобновление дискуссий с психоаналитическим направлением нашло свое отражение: в работах специального межинститутского совещания при Президиуме АМН СССР по вопросам идеологической борьбы с фрейдизмом в 1958 г.; в выступлениях членов советской делегации на I Чехословацком психиатрическом конгрессе в 1959 г. и на III Всемирном психиатрическом конгрессе в 1961 г.; в публикации в советской печати ряда дискуссионных статей; в прочтении советскими учеными за рубежом соответствующих лекций и докладов и т. п. Несмотря, однако, на эту большую работу, задачи критики с позиций марксистско-ленинской методологии основных принципов фрейдизма еще далеко не решены. В резолюции, принятой несколько лет назад упомянутым выше совещанием при Президиуме АМН СССР, было справедливо в этой связи указано: «Необходима дальнейшая разработ-

---

[12] См. Ch. Brisset. «Revue de med. psychosomatique», 1961, NN 3, 4.

ка с правильных методологических позиций ряда важных проблем, которым наши психологи, клиницисты и физиологи на протяжении последних лет не уделяли должного внимания и которые стали поэтому неправильно рассматриваться за рубежом как монополизированные фрейдизмом».

В дискуссиях, которые на протяжении последних лет неоднократно проводились нами с представителями психоаналитического направления, многократно разъяснялись конкретные мотивы, по которым советская медицинская и психологическая мысль вынуждена бескомпромиссно отвергнуть учение З. Фрейда. Мы напомним кратко эти причины.

Это, прежде всего, несоответствие всей методологии фрейдизма общепринятым способам обоснования научных данных; произвольный характер психоаналитических догм; терапевтическая неэффективность психоаналитического метода; вред, который наносится психоанализом общественному здоровью отвлечением внимания от реальных возможностей медицины и профилактики; деморализующее влияние, оказываемое психоанализом, особенно на молодое поколение, возведением эротики в ранг ведущего социального принципа и поощрение худших форм упадочнической литературы и искусства; не научное освещение роли, которую так называемое бессознательное играет в нормальном и патологическом поведении; грубая биологизация психоанализом проблем обществоведения и реакционная роль, которую это учение играет, маскируя подлинные причины социальных бедствий и подменяя задачу борьбы с классовой эксплуатацией и другими отрицательными сторонами капиталистического строя обсуждением процессов «вытеснения» и т. д.

Было бы, однако, глубокой ошибкой думать, что позиция советских критиков фрейдизма исчерпывается этими отрицающими утверждениями. Само признание существования «бессознательного» обязывает, очевидно, тех, кто отвергает психоанализ, искать какие-то иные,— объективные, экспериментальные,— пути изучения психических процессов, не сопровождающихся осознанием. В многочисленных дискуссиях было показано, что такие пути не только существуют, но и уже давно продуктивно используются.

Вопрос, на который, прежде всего, следует дать ясный ответ, приступая к рассмотрению проблемы «бессознательного», заключается в следующем. Существуют ли у человека процессы, относящиеся к психической деятельности, влияющие на поведение, но протекающие как бы «за порогом» сознания, субъективно не воспринимаемые, или же допускать существование таких процессов особых причин нет? Этот вопрос не тождественен ранее рассмотренной проблеме различия между понятиями «сознание» и «психика», с которым мы должны считаться при анализе, проводимом в плане филогенеза, ибо в данном случае речь

идет о существовании неосознаваемых психических процессов не у животных, а у существа, для которого одновременное наличие развитого сознания является наиболее его отличительным признаком.

Если мы обратимся к литературе, то легко отметим, что ответ на этот вопрос носит единодушно положительный характер. Но трактовка, которая дается этим неосознаваемым формам мозговой активности, понимание их существа, методов их изучения и, главное, роли, которую они играют в организации поведения, оказываются в разных случаях глубоко несходными. Именно эти разногласия и составляют предмет ожесточенной идеологической борьбы, которая уже более полувека ведется по поводу проблемы «бессознательного».

Можно с уверенностью сказать, что существование неосознаваемых форм психической активности и важная роль этих форм в поведении человека никогда не отрицались павловским учением о высшей нервной деятельности. Напротив, И. П. Павлов неоднократно подчеркивал, что без учета этих важных компонентов психического анализ последнего вообще не может быть полноценным. И. П. Павлову принадлежат слова: «Мы отлично знаем, до какой степени душевная, психическая жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного»[13]. Приведя эту цитату, С. Л. Рубинштейн далее продолжает: «Одну из причин слабости психологического исследования он (т. е. И. П. Павлов,— *Ф. Б.*) усматривал в том, что оно ограничивается сознательными явлениями. Поэтому и психолог при его исследовании находится в положении человека, который идет в темноте, имея в руках фонарь, освещающий лишь небольшие участки»[14]. «С таким фонарем,— пишет И. П. Павлов,— трудно изучить всю местность»[15].

На возможность того, что различные сложные психологически содержательные переживания могут затормаживаться, тем самым устраняться из области осознаваемого, но при этом не разрушаться, а длительно оставаться сохранными в заторможенном состоянии, чтобы в дальнейшем с ослаблением торможения вновь проникнуть в сознание,— можно найти многочисленные указания в павловских «Лекциях о работе больших полушарий», в «Павловских клинических средах» и во многих других источниках.

Признание существования и попытки изучения неосознаваемых форм сложной психической деятельности можно проследить и в зарубежной литературе независимо от работ Фрейда и даже задолго до начала последних. Небезынтересно, что слова

[13] И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 1, стр. 105.
[14] С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 276.
[15] И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. III, кн. 1, стр. 105.

«ключ к психологии сознания находится в области бессознательного» были написаны (К. Г. Карусом) еще в 1846 г., т. е. за 10 лет до рождения Фрейда. Попытки систематического экспериментального и клинического изучения неосознаваемой нервной деятельности восходят, по крайней мере, к периоду старых работ Бернгейма, посвященных анализу феномена так называемых отрицательных галлюцинаций в условиях гипнотического сна. В этих исследованиях, повторенных впоследствии П. Жане, речь шла о том, что лицо, получившее постгипнотическое внушение не видеть определенный предмет, по пробуждении от гипнотического сна действительно в течение известного времени этот предмет субъективно не воспринимало, хотя объективно по ряду сложных оптических признаков и дифференцировало его от других предметов, зрительное восприятие которых полностью сохранялось. Аналогичные исследования с использованием методики отсроченных постгипнотических внушений проводились в дальнейшем в разных формах и весьма широко (Моллем, Форелем, К. И. Платоновым и др.). И все они показали возможность удержания загипнотизированным на протяжении даже длительного срока весьма сложных инструкций, которые остаются полностью неосознаваемыми, но тем не менее реализуются, если наступают те объективные условия, при которых они должны быть по указанию гипнотизера выполнены.

В работах более позднего периода были найдены и другие подходы к проблеме неосознаваемых форм психической активности. Сюда относятся, например: многие экспериментальные данные, полученные Ф. П. Майоровым и его сотрудниками; исследования индивидуального опыта, проводившиеся еще в 30-х годах А. О. Долиным; анализ процессов неосознаваемого восприятия речи при функциональной глухоте, проводившийся Гепфером, Л. Б. Перельманом и др.; изучение при истерической слепоте условнорефлекторных реакций, вызываемых световыми сигналами различного характера, выполненное Н. Баггаутом и И. Оболенской; исследование А. М. Свядощем, Саймоном и Эммонсом, Дементом и Вольпертом и др. возможности неосознаваемого восприятия речи во время нормального сна; остроумные опыты Маргерита, Эстергази и др., в которых прослеживалась способность к пробуждению от нормального сна в заранее, т. е. перед засыпанием, заданные точные сроки; выполненный В. Н. Мясищевым, Г. В. Гершуни и их сотрудниками анализ эффектов действия так называемой субсенсорной стимуляции; аналогичные опыты Мацумото и Чжан Цу-ли, показавшие сложное влияние, оказываемое на электроэнцефалограмму, кожные потенциалы и другие вегетативные показатели речевыми сигналами подпороговой силы; данные Л. И. Котляревского, полученные при использовании речедвигательной методики А. Г. Иванова-Смоленского; обширные результаты глубоких по

замыслу и с большим экспериментальным мастерством выполненных многолетних исследований Д. Н. Узнадзе и его учеников, поставивших общую проблему влияния неосознаваемых психологических «установок» на всю сферу осознаваемой рецепции и моторики; экспериментальные исследования нереализованных намерений, проведенные Б. В. Зейгарник, позволившие выявить неоднократно обсуждавшийся в литературе своеобразный психологический феномен, названный по имени этого автора; анализ возможностей значительного повышения у человека, под влиянием гипнотических внушений, чувствительности рецепторов, проведенный Н. В. Лебедевой и Н. Н. Железниковым; в высшей степени интересные психологические исследования А. Н. Леонтьева, показавшие существование влияний, оказываемых на поведение световыми сигналами, воспринимаемыми с помощью не зрительных, а кожных рецепторов; некоторые специальные исследования Э. Торндайка и целый ряд других работ аналогичного характера.

Весь этот обширный круг наблюдений достаточно убедительно показывает, что никогда не угасавший интерес к проблеме неосознаваемости форм психической деятельности характеризует отнюдь не только психоаналитическое направление, что он оказался способным стимулировать на протяжении десятилетий исследования, не имеющие с этим направлением никакой идейной связи. Характерно, что и в последних дискуссиях, затрагивающих проблему сознания отнюдь не в психоаналитическом плане, вопрос о неосознаваемой психической активности также настойчиво всплывал. Не избежал его, как мы это видели выше, и Вайншенк. Его касались по разным поводам и другие участники той же немецкой дискуссии,— например, М. Розенберг [16]. В книге выдающегося практика и теоретика сценического искусства К. С. Станиславского «Работа актера над собою», в которой отражены глубокие раздумья ее автора над вопросами природы художественного творчества, последняя глава носит название «Подсознание». По поводу этой главы автор говорит: «К этой ... части следует отнестись с исключительным вниманием, так как в ней — суть творчества и всей „системы“» [17]. Одиозное название главы («Подсознание»), отнюдь, конечно, не означает, что К. С. Станиславский является сторонником фрейдизма. Он сам говорит, что термин «подсознание» употребляется им «не в философском, а в самом простом, общежитейском смысле». Но именно поэтому проблема связи «осознанного» и «неосознанного», важность роли, которую «неосознаваемые» психические

---

[16] M. Rosenberg. Zum materiellen Konstitution des Bewußtseins. «Psychiatrie, Neurol. u. med. Psychologie», 1960, N 12, S. 441.

[17] К. С. Станиславский. Работа актера над собой. М., Гослитиздат, 1938, стр. 14.

процессы играют в процессе сценического творчества, ставится в этой главе ее автором,— большим художником и глубоким мыслителем,— во весь рост.

В связи со всем этим не может вызвать удивления, что на совещании, созванном в 1958 г. Президиумом АМН СССР для обсуждения вопросов борьбы с фрейдизмом, на необходимость исследования неосознаваемых форм психической деятельности было обращено особое внимание. Важность этой проблемы была подчеркнута П. К. Анохиным: «Мы уделяли до сих пор, безусловно, недостаточно внимания процессам формирования того, что фрейдизм называет „подсознательным“». Тщательно изучая реакции мозга, мы забываем, что за пределами фокуса сознания остается огромный багаж, который можно назвать памятью мозга; этот багаж накапливается в течение всей жизни и оказывается, как показывают некоторые гипнотические опыты, поразительно стойким. А разве физиологи достаточно глубоко изучают, как живут эти следы и в каком отношении они находятся к сознанию? Надо признать, что эти вопросы у нас слабо изучены. В результате этого, дело борьбы с фрейдизмом серьезно страдает» [18].

В свете всех изложенных выше и множества других данных вряд ли можно серьезно думать, что проблема неосознаваемых форм психической деятельности была действительно впервые поставлена фрейдизмом или только этим направлением разрабатывается. Характерным для фрейдизма является не открытие этой проблемы и не монополия на нее, а тот специфический методический путь, на котором он эту проблему пытался решить, и та специфическая трактовка, которую он этой проблеме придал. Но в таком случае что же характеризует подход к проблеме неосознаваемой психической активности, отличный от психоаналитического?

Перечисленные выше экспериментальные исследования, ставившие целью раскрытие особенностей различных форм неосознаваемой психической деятельности с помощью объективных методов, позволяют сделать, по крайней мере, один принципиально важный вывод: различного рода сложные раздражители могут действовать на человека в качестве сигналов, вызывающих сложные ответные реакции, без того, чтобы ясно сознавались: а) воздействующий стимул, б) мотив, побуждающий к выполнению реакции и, даже, в) реализация самой реакции. И это своеобразное «отщепление» сигнального действия раздражителя от отражения провоцируемых им сдвигов в сознании наблюдается в условиях не только клинической патологии, но и физиологической нормы.

Этот вывод имеет для правильной постановки всей пробле-

[18] Цит. по стенограмме совещания при Президиуме АМН СССР, 1958.

мы «неосознаваемого» исключительно важное значение. Прежде всего, он подтверждает правильность установившегося в советской психологии общего понимания природы сознания. «Психические процессы, не входящие в сознание,— подчеркивает С. Л. Рубинштейн,— регулируют действия человека непосредственно, в качестве сигналов. Для сознания условия действия выступают не просто как сигналы, которые помимо него регулируют действие, а как объективные обстоятельства, которые учитываются...» [19]. Или, иначе, возникновение сознания связано с выделением субъекта действия из объективной действительности, с выделением из жизни рефлексии на нее, как знание о чем-то находящемся вне субъекта. [20]

Эту важную мысль можно проиллюстрировать следующим. Человек может воспринять сложное звуковое раздражение и выполнить под влиянием этого раздражения сложную инструкцию. Но этот процесс может происходить в психологическом отношении двояко. Если человек по отношению к данному сигналу выделяет себя из окружающего и, следовательно, воспринимает окружающее как противостоящую ему объективную реальность, то он и звуковой сигнал воспримет как элемент этой реальности, соотносимый с другими ее элементами. Человек в этом случае не только слышит сигнал, но и знает, что слышит. А это и значит, что сигнал представлен в сознании, воспринимается осознанно, что происходит, выражаясь словами С. Л. Рубинштейна, «выделение из жизни рефлексии на нее», что возникает знание о чем-то, «противостоящем» субъекту этого знания.

Но возможен и другой вариант, тот, который особенно широко может наблюдаться в условиях функциональной клинической патологии, а в условиях нормы был описан сотрудниками А. Г. Иванова-Смоленского, Л. Б. Перельманом и многими др.: человек воспринимает звуковой раздражитель и действует в соответствии со смыслом слышимого, не зная, что он подвергается звуковой стимуляции. Но в таком случае он этот сигнал и не «осознает», сигнал этот не входит в структуру осознанного отражения человеком объективной реальности.

Сам факт возникновения у человека реакций, вызываемых неосознаваемыми стимулами, в достаточной степени баналенн: достаточно вспомнить, что подавляющее большинство вегетативных процессов относится к категории именно таких неосознаваемых форм физиологической активности. Упомянутым же выше работам, с разных сторон осветившим феномен «отщепления» (т. е. феномен диссоциации между объективным эффектом стимула, с одной стороны, и осознанием стимуляции и эффекта,— с другой), придают интерес следующие два момента. Во-

[19] С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии, стр. 153.

[20] См. С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 272—273.

первых, то, что по данным этих исследований сигнальная функция может сохраняться без участия сознания за раздражителями даже наиболее сложной — второсигнальной — природы, относящимися к категории семантических (смысловых) структур, воплощенных в речи. Во-вторых, то, что феномен «отщепления» может наблюдаться в условиях клинической патологии, а также в норме, в разных формах, потому что он может иметь разную степень выраженности. С. Л. Рубинштейн хорошо показывает, что означает наиболее легкая, не полная степень такого «отщепления». Она может наблюдаться, говорит он, например, в условиях возникновения сложных эмоций на определенных этапах онтогенетического созревания. Ее можно видеть при первом появлении хотя бы молодого, ранее не испытанного чувства любви у юноши или у девушки, при состояниях, так часто вдохновляющих перо, кисть и резец больших мастеров искусства. Недостаточность осознания зарождающегося аффекта здесь заключается не в том, конечно, что чувство не «переживается», а в том, что оно недостаточно отчетливо распознается субъектом как таковое, т. е. не соотносится или неадекватно соотносится с объективным миром. В более резкой форме такое же «отщепление» можно наблюдать при так называемых импульсивных поступках. Если «отщепление» намечено не грубо, то возникает поступок, о котором человек знает, что его совершил, но вместе с тем этот поступок недостаточно хорошо соотнесен с его объективными последствиями, недостаточно ясно «противостоит» субъекту действия как элемент действительности. Если же «отщепление» носит резкий характер, то возникают хорошо знакомые нам по клинике эпилепсии патологические действия, которые не находят адекватного отражения в сознании субъекта, хотя для своей реализации и требуют иногда наиболее сложных из доступных для больного проявлений высшей нервной деятельности. Клиника истерии, как это неоднократно подчеркивал И. П. Павлов, также знакома с такими недостаточно отражающимися в сознании формами реагирования. В условиях резко напряженных аффектов, утомления и т. п. сходные картины могут наблюдаться в разнообразных формах и в норме.

Существование разных степеней выраженности и разных форм феномена «отщепления» ставит ряд сложных вопросов.

Первый вопрос относится к терминологии. В тех случаях, когда «отщепление» выражено достаточно грубо, мы оказываемся перед лицом крайне своеобразной мозговой активности. Эта активность выступает, при объективном ее анализе, как бесспорно относящаяся к высшей нервной деятельности,— ибо она использует весь индивидуально приобретенный опыт и наиболее сложные формы условнорефлекторных замыканий. В то же время крайне трудно ответить на вопрос, в какой степени она

носит характер психической активности, т. е. в какой мере она сопровождается в момент ее реализации определенными субъективными ощущениями и переживаниями. По всей вероятности, при разных степенях «отщепления» эта выраженность субъективного тона также должна в какой-то мере варьировать. Нам представляется поэтому, что мозговую активность, развертывающуюся в условиях «отщепления», правильнее всего называть, как это было предложено А. В. Снежневским, неосознаваемой формой высшей нервной деятельности. Этим названием подчеркивается тот (крайне важный в плане полемики с фрейдизмом) факт, что преимущественной (если не единственной) формой выражения этой активности являются вызываемые ею объективные реакции[21].

Второй вопрос заключается в следующем. Если неосознаваемые формы высшей нервной деятельности — это реально существующие мозговые процессы, то как часто они обнаруживаются? Являются ли они лишь редкими эпизодами, возникающими в экквизитных условиях, в условиях особых, специально их вызывающих экспериментальных и жизненных ситуаций, или, напротив, их надо рассматривать как закономерные компоненты обычного поведения, как элементы всякой деятельности, имеющие приспособительный характер? И, наконец, третий вопрос, наиболее важный в плане принципиального спора с фрейдизмом, какова же роль этих своеобразных форм высшей нервной деятельности, каково их отношение к деятельности сознания: являются ли они факторами, выступающими по отношению к деятельности сознания, подобно фрейдовскому «бессознательному», лишь как антагонисты, или же здесь могут наблюдаться отношения как функционального антагонизма, так и синергизма? Подчинены ли они в своей динамике деятельности сознания или, напротив, как это не устают подчеркивать фрейдисты в отношении «бессознательного», скрыто властвуют над сознанием? В чем, наконец, различие закономерностей, которым подчиняются эти особые формы высшей нервной деятельности в условиях патологии и нормы?

Прежде всего следует подчеркнуть, что было бы грубой ошибкой рассматривать неосознаваемые формы высшей нервной деятельности как редкие эпизоды в работе мозга. В действительности дело обстоит прямо противоположно. В пользу тако-

[21] Под выражением «неосознаваемая высшая нервная деятельность» мы подразумеваем процессы высшей нервной деятельности, не сопровождающиеся осознанием действительности. Это выражение является лишь сокращенным обозначением определенной категории мозговых процессов, регулирующих поведение, но не сопровождающихся осознанием действительности. Именно поэтому выражение «неосознаваемые формы высшей нервной деятельности» нам представляется философски наиболее адекватным и оттеняющим отличие нашего подхода от субъективной трактовки проблемы «бессознательного», предлагаемой фрейдизмом.

го понимания говорят широко распространенные явления автоматизации навыков, при которых формы деятельности, вначале находящиеся под контролем сознания, постепенно теряют осознаваемый характер, хотя дифференцированность их выполнения может, вопреки развившемуся «отщеплению», даже возрастать. Подтверждением этому пониманию является также анализ функциональной структуры любой деятельности: ни одно произвольное действие человека не бывает на всех этапах своего становления одинаково ясно осознанным и, следовательно, в любом произвольном действии могут быть выделены фазы, реализующиеся в большей или меньшей степени в условиях «отщепления». А нередко почти весь процесс выполнения произвольного действия, кроме его конца, составляющего цель действия, полностью выпадает из сознания.

Какова же функция этих неосознаваемых процессов? Здесь мы подходим к положениям, анализ которых бросает особенно яркий свет на коренное различие, существующее между трактовками фрейдизма и тем пониманием проблемы «бессознательного», которое подсказывается ее объективным изучением.

Одной из самых больших ошибок фрейдизма явилось грубое упрощение разнотипных и изменчивых отношений, существующих между неосознаваемой высшей нервной деятельностью и деятельностью сознания. Вся трудно вообразимая сложность этих отношений была Фрейдом и его последователями сведена к единственной динамической тенденции, к функциональному антагонизму сознания и «бессознательного», нашедшему свое отражение в учении о «вытеснении» и в учении о символике как о средстве преодоления этого антагонизма. Мы затратили бы попусту время, если бы стали искать в детально разработанной психоаналитической теории хотя бы намек на представление о функциональном синергизме «бессознательного» и деятельности сознания («сублимация», так же как символизация, является, по Фрейду, только средством спасения от разрушительных последствий антагонизма сознания и «бессознательного», но отнюдь не выражением действительного устранения этого антагонизма). В результате такого упрощения вся картина подлинных функциональных отошений между осознаваемыми и неосознаваемыми формами высшей нервной деятельности оказалась искаженной фрейдизмом до неузнаваемости.

Каким же образом и почему произошло такое упрощение? Ответ на этот вопрос носит неожиданный характер для тех, кто рассматривает фрейдизм как признанную основу общей теории «бессознательного». И, однако, к этому ответу неизбежно приводит вдумчивый анализ психоаналитической концепции, который был предпринят Г. Уэллсом. Указывая на специфические особенности психоаналитической доктрины, которые делают ее

созвучной идеологии современного капитализма, он говорит: «Фрейд не дал детальной разработки применения своей „науки о бессознательных психических процессах“ к области психологии»[22]. Подчеркивая это в высшей степени характерное обстоятельство, Г. Уэллс абсолютно прав. Фрейд пытался разрешить на основе своей концепции «бессознательного» лишь одну, казавшуюся ему центральной, проблему психологии — судьбу неудовлетворенного аффективного стремления. Критика фрейдизма хорошо показала, к какому нагромождению мифов и парадоксов эти попытки привели. Проблема же «бессознательного» в ее общем виде, как проблема большой психологической теории, Фрейдом никогда, по-существу, даже не ставилась. Именно потому и ускользнула от фрейдизма вся внутренняя сложность и противоречивость этой проблемы, а идея «вытеснения» показалась адептам этого учения вполне достаточной, чтобы отразить существо отношений между «сознанием» и «бессознательным», выступающих в том специфическом плане, который их единственно интересовал.

Представление о том, что психоаналитическая концепция — это отнюдь не общая психологическая теория «бессознательного», можно встретить, впрочем, не только в работах критиков фрейдизма. Показательно, что к такому же пониманию приходят при более углубленном анализе и некоторые современные адепты фрейдизма. В этом отношении представляют интерес высказывания, прозвучавшие на организованном Академией наук США в 1958 г. симпозиуме, специально посвященном обсуждению методологических проблем психоанализа, в частности, в докладе открывшего этот симпозиум проф. Л. Беллака. Этим видным теоретиком современного фрейдизма был проведен тщательный анализ понятия «бессознательного» и было уточнено, в каком плане это понятие имеет значение для психоаналитической теории, а в каком остается безразличным. Его высказывания весьма показательны в отношении того, что именно подразумевает психоанализ под «бессознательным».

Беллак указывает[23], что в разных случаях под «бессознательным» понимают существенно разные вещи, благодаря чему это понятие выступает в нескольких качественно разнородных аспектах. Один из этих аспектов он предлагает назвать «физиологическим», другой — «структурным». Физиологический аспект «бессознательного» — это неосознаваемость большинства вегетативных функций организма. К этому аспекту психоаналитическая теория не имеет, по Беллаку, никакого отношения, т. к. неосознаваемые соматические процессы не отражаются в сознании ни непосредственно, ни на основе символизации (нельзя

[22] Г. Уэллс. Павлов и Фрейд. М., ИЛ, 1959, стр. 473.
[23] S. Bellak. The unconscious, «Ann. of the New-York. Ac. of Sc», vol. 76, art. 4, 1959, p. 1066—1097.

не отметить, что этим последним утверждением он противопоставляет себя многим теоретикам современного «психосоматического» направления, которые, напротив, идею символического представительства соматических процессов в сознании рассматривают как свой исходный тезис). «Структурный» аспект бессознательного — это, по его мнению, неосознаваемость автоматизированных действий и той скрытой нервной активности, на которую опирается формирование любых содержаний сознания, активности, которая создает эти содержания, но становится невидимой после того, как эту свою задачу выполняет. Многие ограничения возможностей психоанализа связаны, по Беллаку, именно с тем, что к этому «структурному» аспекту бессознательного психоаналитическая техника проникнуть не позволяет. «Я никогда не слышал,— замечает он,— чтобы психоаналитик вскрыл, например, исчезнувшие воспоминания о процессе овладевания в раннем детстве ходьбой»[24]. Поэтому «структурный» аспект «бессознательного» также не является, по Беллаку, предметом психоаналитической теории. В чем же тогда ее предмет? Беллак отчетливо отвечает на этот вопрос: существует, говорит он, третий аспект бессознательного — аспект «динамический»: неосознаваемость того, что по своему психологическому содержанию неприемлемо для сознания, но что может пробиться в сознание на обходных путях символизации. Именно этот аспект и есть основной, единственный и специфический предмет психоаналитической теории.

Эти определения не оставляют сомнений, что, по мнению даже убежденных сторонников современного фрейдизма, это учение отнюдь не является общей теорией «бессознательного». К освещению целого ряда сторон проблемы «бессознательного» фрейдизм, как это признает Беллак, вообще отношения не имеет. Из этих определений вытекает, что «неприемлемость» для сознания является главной характеристикой той особой формы «бессознательного», которую психоаналитическая теория объявляет основным предметом своего изучения. Оба эти вывода хорошо согласуются с приведенным выше мнением Г. Уэллса и с отмеченной нами тенденцией психоанализа исчерпывать представление об отношениях между сознанием и «бессознательным» идеей «вытеснения».

Можно, конечно, сказать, что если психоаналитическая концепция не претендует на роль общей теории «бессознательного», то за ней остается, в конце концов, право избрать тот особый подход к проблеме неосознаваемых процессов, который она предпочитает, и этот подход углублять так, как она считает это нужным. Это, конечно, так. Критика фрейдизма достаточно убедительно показала множество причин, по которым этот особый, избранный фрейдизмом, путь оказался, в конечном

[24] L. Bellak. The unconscious, p. 1071.

счете, несостоятельным. Мы не будем задерживаться на этой несостоятельности, а подчеркнем лишь характерную и важную для нашего дальнейшего анализа непоследовательность, которую фрейдизм проявил уже при самом выборе пути, по которому он пошел.

В психоаналитической литературе, охотно подчеркивающей стремление Фрейда к описанию явлений в духе строгого детерминизма, часто можно встретить такое объяснение причин, побудивших его создать основы его концепции. Он изучал невротические симптомы, сновидения, оговорки; в результате, проводя каузальный анализ, он оказался будто бы вынужденным создать логический «мост», уничтожающий видимость разрыва между аффектом и клиническим симптомом, между переживаниями во время сна и бодрствования, между намерениями и ошибочными действиями. Таким «мостом» и явилось его учение о «бессознательном», устраняющее эту видимость разрыва и позволяющее понять все события психической жизни как причинно между собою связанные.

В таком подходе (не имеет значения, предшествовал ли он в действительности созданию психоанализа или формулируется постфактум) есть один безусловно рациональный момент: представление о неосознаваемой психической активности как о факторе, причинно связанном с деятельностью сознания и в какой-то степени эту деятельность подготовляющем. Действительно, как показывает анализ структуры самых различных форм поведения, если бы не существовали сложные предваряющие неосознаваемые формы мозговой активности, то деятельность сознания была бы во многих случаях не только не понятна, но и вообще невозможна. Если это так, то разве не очевидно, что «структурный» аспект «бессознательного», от рассмотрения которого психоаналитическая теория принципиально отказывается, также имеет непосредственное отношение к той же проблеме «моста», т. е. к проблеме непрерывности причинной цепи между аффектом или намерением, с одной стороны, и поведением, с другой? Разве неосознаваемые формы высшей нервной деятельности, включаясь в самые разнообразные формы осознаваемого реагирования как его закономерные компоненты, не предотвращают возникновение разрывов в подобной цепи, которые неминуемо возникли бы, если бы эти формы почему-либо выпали? А если мы с этим согласимся, то становится очевидным, что, исключая из проблемы «бессознательного» ее «структурный» аспект, фрейдизм вступает в противоречие с тем, что, по его же собственной аргументации, вынуждает ставить всю эту проблему.

Избрав, следовательно, в качестве единственного заслуживающего внимания аспекта «бессознательного» аспект «динамический», фрейдизм не имеет логического права обосновывать

этот выбор идеей «моста», ибо роль «моста» выполняют и такие формы «бессознательного», которые психоанализ считает возможным полностью игнорировать.

Можно ожидать, что на данном этапе принципиального спора, который мы ведем фактически с психоаналитическим направлением, наши противники возразят приблизительно так. Хорошо, скажут они, пусть проблема «моста» «динамическим» пониманием «бессознательного» полностью не исчерпывается, пусть «бессознательное», в придаваемом этому понятию фрейдизмом смысле, является лишь одним из многих механизмов, опосредующих связь между аффектом и симптомом, намерением и поведением. Этот механизм имеет непосредственное отношение к психологическому содержанию переживаний. В то время как «бессознательное», в его «структурном» понимании,— это лишь совокупность физиологических автоматизмов, нужных для реализации поведения (и, следовательно, также являющихся элементами «моста»), но никак не связанных со смысловой стороной ситуации. «Структурное» «бессознательное» — это нечто, более напоминающее «психические автоматизмы» П. Жане, чем «Оно» Фрейда. Во всяком случае, это бессознательное — нечто качественно иное, чем «бессознательное» в его психоаналитическом понимании. Если это так, то, вводя понятие «неосознаваемой формы высшей нервной деятельности», не подменяем ли мы предмет обсуждения и не прекращаем ли мы, фактически, спор с фрейдизмом, поскольку переходим к рассмотрению скорее физиологической и неврологической, чем психологической, сторон поведения? Ведь в отношении физиологических и неврологических трактовок сторонники психоанализа могут с нами во многом согласиться, отнюдь не вынуждаясь тем самым к отказу от своих специфических психологических представлений.

Мы можем спокойно и уверенно отвести это серьезное возражение фрейдизма. Для этого нам, однако, потребуется более конкретно раскрыть, что же именно мы понимаем под неосознаваемой формой высшей нервной деятельности. Уточнив это, мы покажем, что объективный подход к «бессознательному» означает не «подмену» предмета обсуждения, а, напротив, перенос спора именно в ту область, которая является для психоанализа центральной, в которой психоаналитическая мысль так долго считала себя единственным полноценным теоретическим направлением, и последующее неумолимое вытеснение фрейдизма с этих его основных и последних позиций.

Вернемся вновь к вопросу о том, что побудило Фрейда создать психоанализ,— к идее «моста». Независимо от правильности этой идеи в историческом аспекте в чисто логическом плане эта идея хорошо освещает ту основную задачу, которую фрейдизм в его исходной и в разнообразных позднейших «нео» фор-

мах неизменно пытался решить. «Бессознательное» Фрейда, действительно, всегда выступало в роли фактора, скрыто опосредующего связь между какими-то начальными переживаниями обычного, осознаваемого типа и последующим выражением этих переживаний, которое якобы (это специфика психоаналитической трактовки) проявляется лишь в символической форме сновидений, клинических симптомов, ошибочных действий и т. п. Если бы не эта функция опосредования, которую отправляет «бессознательное» Фрейда, у последнего не нашлось бы, по-существу, повода для построения всей его своеобразной концепции, а у «бессознательного» — причин для участия в формировании поведения.

Как же представляет фрейдизм этот опосредующий механизм «бессознательного»? Д. Н. Узнадзе был, по-видимому, одним из первых, кто отметил и понял принципиальное значение следующей характернейшей черты фрейдизма. Теория психоанализа представляет опосредующий механизм «бессознательного», так как его и можно только представлять, не разработав предварительно никакой психологической теории этого механизма. «Бессознательное» представляется как наши обычные мысли, эмоции, аффекты, стремления, только лишенные качества осознаваемости; как привычные для нас переживания, лишь ушедшие в какую-то, специально постулируемую фрейдизмом, сферу, содержание которой осознанию недоступно. «Бессознательное» Фрейда — это, таким образом, совокупность психических процессов, своеобразие которых определяется лишь негативно: тем, что они неосознаваемы (их положительная характеристика почти полностью исчерпывается указанием на их тенденцию выражаться преимущественно символически).

Анализируя это представление о роли и природе «бессознательного», надо, прежде всего, разграничить между нашим отношением к звучащей здесь основной задаче (для решения которой создается само представление о «бессознательном») и предлагаемым способом решения этой задачи. Реальна ли та задача, решения которой так настойчиво добивался Фред? Действительно ли существует проблема скрытых от сознания связей между различного рода воспринимаемыми объективными воздействиями и последующим выражением эффектов этих воздействий в поведении? Вряд ли можно сомневаться, отвечая на этот вопрос. Если бы таких скрытых от сознания связей не существовало, то не существовало бы и самой проблемы «бессознательного». Существование этой проблемы, как мы уже видели, подтверждается необозримым множеством наблюдений, на разных путях приводящих нас к одному и тому же феномену «отщепления», т. е. к факту участия в формировании поведения неосознаваемых форм сложной мозговой деятельности, наряду с осознаваемыми формами.

Таким образом, задача, которую поставил Фрейд, была совершенно правомерна. Для подлинного успеха критики фрейдизма этот факт ни в коем случае не должен заслоняться методологической порочностью того пути, по которому в дальнейшем пошел Фрейд, пытаясь решить заинтересовавшие его вопросы.

Если Фрейд и его школа, поставив в центре внимания опосредующую функцию «бессознательного», не смогла определить качественное своеобразие сложных форм неосознаваемой мозговой деятельности, и поэтому лишь отдалила научное решение интересовавших их вопросов, то каков же тот методический путь и те понятия, которые позволяют адекватно подойти ко всей этой трудной проблеме?

Существуют ли уже в рамках советской психологической науки или нейрофизиологии попытки систематической экспериментальной разработки сложных форм неосознаваемой мозговой деятельности, определяемых конкретным психологическим содержанием объективной ситуации и влияющих, в свою очередь, на объективное поведение? Безусловно, да. Такими являются, в первую очередь, проводимые на протяжении многих лет исследования Института психологии им. Д. Н. Узнадзе АН Грузинской ССР, позволившие накопить огромный фактический материал, углубляющий разработанную в свое время Д. Н. Узнадзе общую теорию так называемой установки. Эта теория является единственной, по-существу, не только в советской, но и в мировой литературе, тщательно разработанной концепцией «бессознательного». Она позволяет с помощью объективных экспериментальных методов изучить неосознаваемые формы мозговой деятельности, возникающие под влиянием не изолированных подпороговых стимулов (как это имеет место, например, в известных опытах Г. В. Гершуни с субсенсорными раздражениями), а комплекса надпороговых воздействий, оказываемых на субъекта экспериментальной ситуацией в целом. возникающих под влиянием «значения» для субъекта этой ситуации, т. е. наиболее сложных, второсигнально-обобщенных форм отражения действительности, под влиянием конкретного психологического содержания переживаний. Поэтому, отвергая психоаналитическую концепцию «бессознательного» и пытаясь противопоставить ей принципиально иное понимание неосознаваемых форм высшей нервной деятельности, мы должны уделить кругу идей Д. Н. Узнадзе самое серьезное внимание.

Модельный эксперимент, применяемый в школе Д. Н. Узнадзе для демонстрации феномена «установки», заключается в следующем. Испытуемый несколько раз подряд получает в каждую из рук по шару равного веса, но разного объема, причем шар меньшего размера дается всегда в одну и ту же руку.

Затем испытуемому даются шары одинакового объема (и веса). На вопрос какой шар больше, испытуемый, как правило, в этом «критическом» опыте отвечает, что больше шар, находящийся в той руке, которая раньше получала шар меньших размеров. Какова природа этой иллюзии?

В основе появления иллюзии здесь лежит особое «внутреннее состояние», как говорит Д. Н. Узнадзе, или особое изменение функционального состояния центральной нервной системы, как предпочли бы сказать мы. Анализ этого «состояния» или функционального сдвига позволяет выявить следующие его характерные особенности.

Это состояние, во-первых, полностью обусловлено серией проб, предшествующих критическому опыту: без этих предшествующих проб оно вообще не возникает. Следовательно, в принципиальном отношении оно является своеобразной, очень сложной рефлекторной реакцией испытуемого на объективное воздействие.

Во-вторых. Сформировавшись, оно сохраняется на протяжении определенного интервала времени как функциональный сдвиг, который может с помощью соответствующих экспериментальных приемов (типа описанного выше критического опыта) объективно выявлен, но который непосредственно испытуемым не осознается.

В-третьих. Несмотря на эту свою непосредственную неосознаваемость, оно влияет на последующие осознаваемые переживания, предопределяя в некоторых отношениях их характер и динамику (в разобранном, например, выше модельном эксперименте — предопределяя оценку воздействий при критической пробе и тем самым вызывая возникновение иллюзии).

В-четвертых. Оно возникает в ответ на стимуляцию преимущественно комплексного характера и само проявляется как сдвиг сложной природы, не локализующийся в пределах какой-то одной физиологической системы, но легко распространяющийся из одной системы в другие, на которые перед критическим опытом воздействие непосредственно не оказывалось (например, распространяющийся из мышечной системы в гаптическую, оттуда в зрительную и т. д.).

В-пятых. Оно имеет свои первичные центральные нервные компоненты (к физиологическому раскрытию которых мы сейчас только подходим на основе применения таких методов исследования электроэнцефалографии, как аутокорреляционный анализ, анализ потенциалов, проводимый с помощью автоматических вычислительных машин и т. п.) и компоненты вторичные периферические (изучение которых с помощью существующих электрофизиологических, особенно — электромиографических, а также условнорефлекторных, биохимических, гемодинамических и других объективных методик значительно более доступно,

чем изучение компонентов центральных). Это изучение было проведено во многих работах[25].

И, наконец, в-шестых. Оно, по-видимому, не в одинаковой степени связано с разными мозговыми системами, что дает, принципиально, возможность говорить об определенной мозговой локализации этих состояний. На это указывают некоторые исследования Прибрама и ряда других авторов[26].

Для обозначения именно этого своеобразного неосознаваемого изменения функционального состояния нервной системы, имеющего вопреки своей неосознаваемости важное значение для последующей динамики осознаваемых переживаний, Д. Н. Узнадзе и был использован термин «установка»[27].

Само собой разумеется, что если бы состояния типа установок возникали только при тех модельных экспериментах, которые были нами приведены выше или даже чаще, но, все же,— лишь в условиях специально вызывающих их экспериментальных ситуаций, то они могли бы представить лишь ограниченный интерес. Все значение этих состояний именно тем и обусловливается, что возникают они отнюдь не только в условиях специальных лабораторных экспериментов, но неизмеримо шире, выступая, по-существу, как важнейшие функциональные компоненты всякой

---

[25] См. К. Н. Pribram. The intrinsic systems of the forebrain, Handbook of physiology (Am. Phys. Soc. Washington, 1960), vol. II, p. 1323—1344.

[26] В частности, в исследованиях, выполнявшихся на протяжении ряда лет в Ин-те неврологии АМН СССР.

[27] Говоря об установке, Д. Н. Узнадзе многократно возвращался к вопросу о бессознательности как о ее важнейшей особенности. Одновременно он подчеркивал принципиальное отличие неосознаваемых установок от «бессознательного» Фрейда. Мы приводим отдельные из многих его характерных высказываний по этому поводу, содержащихся в его «Экспериментальных основах психологии установки» (Тбилиси, 1961):

«... в испытуемом создается некоторое специфическое состояние, которое не поддается характеристике как какое-нибудь из явлений сознания. Особенностью этого состояния является то обстоятельство, что оно предваряет появление определенных фактов сознания... это состояние, не будучи сознательным, все же представляет своеобразную тенденцию к определенным содержаниям сознания. Правильнее всего было бы назвать это состояние установкой...» (стр. 18); «..кроме обычных психических фактов, кроме отдельных сознательных психических переживаний, следует допустить... наличие... модуса состояния субъекта этих переживаний, той или иной установки его, как личности... (стр. 178); «...становится бесспорным, что в нас существует некоторое состояние, которое, само не будучи содержанием сознания, имеет, однако, силу решительно на него действовать», «...наиболее слабым пунктом учения о бессознательном, напр., у Фрейда является утверждение, что разница между сознательным и бессознательными процессами в основном сводится к тому, что эти процессы, будучи по существу одинаковыми, различаются лишь тем, что первый из них сопровождается сознанием, в то время как второй такого сопровождения не имеет...» (стр. 40); «...понятие бессознательного у Фрейда не включает в себя ничего нового в сравнении с явлениями сознательной душевной жизни...» (стр. 177); «...Нет сомнения, что точка зрения Фрейда относительно природы бессознательного в корне ошибочна» (стр. 178) и т. д.

приспособительной деятельности, всякого целенаправленного поведения.

В чем же заключается конкретная роль установок как компонентов деятельности и факторов, формирующих поведение? Сформировавшись под влиянием внешних стимулов, как определенный рефлекторный сдвиг функционального состояния центральных нервных и периферических образований, установка оказывает далее воздействие на нейродинамику, предрешая характер развертывания самых различных форм психической и физиологической активности. Это воздействие может проявляться в сравнительно простом виде, как в модельном эксперименте с шарами, но может выступать и в гораздо более сложной форме. В опыте с шарами установка возникает как следствие замыкания определенной связи между стороной стимуляции (правая, левая рука) и характером вызываемых (проприоцептивных, в основном) раздражений; нарушение этой связи и порождает иллюзию. Установка, следовательно выступает в данном случае как результат определенной, постепенно складывающейся организации предшествующего опыта, как выражение определенного внутреннего согласования прошлых переживаний, которое становится фактором поведения, поскольку оно создает дифференцированное отношение, избирательную готовность к предстоящим[28] переживаниям. И эти своеобразные процессы формирования установок предшествующим опытом и регулирующего воздействия, которое сложившиеся установки оказывают на последующую активность, могут быть прослежены при анализе психологической структуры самых разнообразных, простых и сложных человеческих действий.

Для более глубокого понимания роли, которую неосознаваемые установки играют в качестве факторов осознаваемого поведения, необходимо учесть одну в высшей степени характерную общую особенность целенаправленной деятельности. Как известно, необходимым условием эффективности любой формы такой деятельности является относительная независимость последней от случайных внешних событий. Без этой относительной независимости всякое организованное поведение неминуемо распадается, превращаясь всего лишь во внутреннее неупорядоченное непосредственное реагирование на любые внешние воздействия,

---

[28] В этом смысле понятие «установки» оказывается весьма близким тому, которое П. К. Анохин еще в 1956 г. пытался ввести, говоря о возбуждениях «опережающего» типа, т. е. о нервной активности, предвосхищающей еще не наступившие внешние события и подготовляющей ответ организма на эти предстоящие объективные воздействия. К этому же кругу представлений близки некоторые из понятий, предложенных в последнее время, в результате анализа моторной деятельности Н. А. Бернштейном, и целый ряд высказываний по поводу интенционной («антиципирующей») деятельности центральной нервной системы, встречающихся в зарубежной литературе последних лет, затрагивающей вопросы биологической регуляции.

в реагирование, структура которого зеркально отражает структуру процессов воздействия. Что же придает целенаправленной деятельности эту так необходимую ей относительную независимость от внешних событий? Ее осознанный характер? Очевидно, не только он, ибо как это было многократно экспериментально показано, целенаправленное действие продолжает оставаться таковым (и сохраняет, следовательно, относительную независимость от случайных внешних событий) и на тех этапах своего развертывания, на которых оно протекает совершенно неосознанно.

На этих этапах формирования действия мы вновь сталкиваемся с уже знакомым нам феноменом «отщепления». В дополнение к тому, что нам об этом феномене известно, мы можем теперь точнее представить причины, по которым отсутствие сознания определенной фазы действия не приводит к распаду этой фазы как фрагмента целенаправленной активности. Можно привести много аргументов в пользу того, что фактором, предотвращающим подобный распад, является именно сложившаяся в процессе действия (или предваряющая данное конкретное действие) установка, создающая характерное для нее дифференцированное отношение к разным элементам внешней ситуации: избирательную готовность к реагированию на одни стимулы, к торможению на другие, к нулевой реакции на третьи. С устранением такой избирательности реагирования неминуемо устраняется и целенаправленный характер деятельности, а наличие этой избирательности является прямым доказательством регулирующего влияния, оказываемого на деятельность сформировавшейся установкой, поскольку оно непосредственно эту установку выражает.

Неосознаваемые установки могут, соучаствуя с активностью сознания, придавать поведению высоко приспособленный и внутренне упорядоченный характер. Но они могут при определенных условиях и препятствовать развертыванию осознания регулируемой деятельности, выступая в подобных случаях в качестве факторов, непосредственно способствующих распаду и патологии поведения.

На предыдущих страницах мы широко использовали введенное Д. Н. Узнадзе понятие неосознаваемой установки. Означает ли это, что мы во всем согласны с той трактовкой этого понятия, которая дается Д. Н. Узнадзе и его школой? На этот вопрос мы вынуждены ответить отрицательно.

Д. Н. Узнадзе рассматривает установку, как состояние, которое при любых условиях остается неосознаваемым. Нам это понимание представляется принципиально неприемлемым. Если понимать под установкой именно то, что было изложено на предыдущих страницах, т. е. состояние обуславливаемое определенной организацией предшествующего опыта, определенным внутренним увязыванием элементов этого опыта, и приводящее к регулированию последующего поведения (а для иной трактовки

конкретные экспериментальные данные школы Д. Н. Узнадзе не дают повода), то нет никаких ни логических, ни фактических оснований полагать, что это состояние не может быть и осознанным.

Д. Н. Узнадзе говорит: в случаях «наличия потребности и ситуации ее удовлетворения в субъекте возникает специфическое состояние, которое можно характеризовать как склонность, как направленность, как готовность его к совершению акта, могущего удовлетворить эту потребность...» [29], «как установку его к совершенно определенной деятельности...» [30]. «Установка является модусом субъекта в каждый данный момент его деятельности, целостным состоянием, принципиально отличающимся от всех его дифференцированных, психических сил и способностей...» [31]. Установка, по Д. Н. Узнадзе, это целостное состояние, которое «не отражается в сознании субъекта в виде его отдельных самостоятельных переживаний,— оно играет свою роль, определяя работу субъекта в направлении активности, приводящей его к удовлетворению своих потребностей... Установка не может быть отдельным актом сознания субъекта, она лишь модус его состояния, как целого. Поэтому совершенно естественно считать, что если, что у нас протекает действительно бессознательно, так это, в первую очередь, конечно, наша установка» [32]. Основная мысль Д. Н. Узнадзе здесь выражена с большой ясностью. Установка эта не какое-то конкретное «психическое переживание» субъекта, а «модус» состояния субъекта, т. е. готовность, наклонность субъекта к переживаниям определенного типа. Это бесспорно так и именно в этом качественное своеобразие установки, позволяющее отграничить ее от других психологических понятий и придающее ей всю ее ценность, как средства анализа. Но из этого своеобразия отнюдь не вытекает принципиально, что она не может быть и осознаваемой.

Когда сторонники теории Д. Н. Узнадзе подчеркивают, что установка не осознаваема непосредственно (что она осознаваема только опосредованно, через анализ ее отношения к действительности, как это имеет место хотя бы в модельном эксперименте), то при этом молчаливо, очевидно, допускают, что другие психические состояния осознаются именно «непосредственно». Такое понимание чревато, однако, двойной ошибкой. Первая, в основном философская, заключается в том, что принципиально не допускается возможность осознания «модуса» (способов, тенденций) реагирования. Вторая, в основном психологическая, в том, что допускается так называемое непосредственное осознание психических состояний, отличных от установки. Если осознание есть

[29] Д. Н. Узнадзе. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961, стр. 169.
[30] Там же, стр. 170.
[31] Там же, стр. 171.
[32] Там же, стр. 178.

знание о чем-то, что для познающего субъекта является элементом внешнего по отношению к нему мира, то всякое осознание имеет опосредованный характер, всякое осознание предполагает соотнесение того, что осознается, с деятельностью и средой. Поэтому не существует никакого «непосредственного» осознания субъектом его психических данностей[33]. Ошибочность противоположной точки зрения, долгое время подсказывавшейся субъективно-идеалистической психологией, использовавшей методы интроспекции, была хорошо показана еще Л. С. Выготским. Всякое осознание связано с установлением сложных отношений. Выявляя отношение деятельности к среде, человек может осознавать «модусы» этой деятельности принципиально также, как и любые другие ее качества.

Если мы одновременно примем два положения,— то, что установки могут быть только неосознаваемыми и то, что свое регулирующее влияние они оказывают на поведение даже в его наиболее сложных формах, то мы окажемся на позиции предельно близкой к фрейдизму с его стремлением к гегемонии «бессознательного» и к выделению областей, в которые сознание принципиально не проникает.

Можно было бы привести и другие доводы, поясняющие почему полностью принимая все то ценное, что содержится в теории Д. Н. Узнадзе по поводу значения установок как элементов «бессознательного», мы отклоняем представление об установке как состоянии, которое может быть только неосознаваемым. Напротив (на это еще будет обращено внимание ниже), именно колебания в степени ясности осознания установок, осцилляции этой характеристики, и определяют в значительной степени ту серьезную роль, которую установки играют в качестве факторов поведения, организуя последнее или разрушая его.

Отличие нашего понимания «установки» от того, которое было разработано Д. Н. Узнадзе, не исчерпывается, однако, тем, что было сказано выше. Теория Д. Н. Узнадзе утверждает понятие об установке, как об особенности «личности», как о состоянии,

---

[33] Представляют бесспорный интерес точные формулировки, которые по этому поводу были даны С. Л. Рубинштейном: «Человек познает... самого себя лишь опосредствованно, отраженно, через других, выявляя в действиях, в поступках свое отношение к ним и их к нему. Наши собственные переживания, как бы непосредственно они ни переживались, познаются и осознаются лишь опосредствованно, через их отношение к объекту. Осознание переживания это, таким образом, не замыкание его во внутреннем мире, а соотношение его с внешним, объективным, материальным миром, миром, который является его **основой и источником**... Как в познании психологии других людей, так и в самосознании и самонаблюдении сохраняется отношение непосредственных данных сознания и предметного мира, определяющего их значение... Сознание, по самому существу своему,— не узко личностное достояние замкнутого в своем внутреннем мире индивида, а общественное образование...» (С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии, стр. 149).

характеризующем «не какие-нибудь из отдельных психических функций, а... всего субъекта как такового» [34]. Нам представляется, что экспериментальные исследования школы Д. Н. Узнадзе отчетливо показали психологически сложный, межфункциональный, полисистемный характер установки, ее способность проявляться одновременно в разных физиологических структурах. Однако из этого еще не вытекает, что установка (например, того типа, который проявляется в описанном выше эксперименте с шарами) выражает собою изменение «личности» субъекта, у которого она сформировалась. Нам думается, что и вообще весь изложенный нами подход к установке, как, в основном, к своеобразному механизму регулирования деятельности и к определенной форме проявления высшей нервной деятельности, не вполне совпадает с представлением о более фундаментальной роли, которую, по Д. Н. Узнадзе, установки играют в психической жизни человека.

К этим допускаемым нами отклонениям от теории Д. Н. Узнадзе можно было бы прибавить и целый ряд других. Следует, однако, ясно понимать, что все эти отклонения,— дающие, возможно, повод для дальнейших продуктивных методологических споров со школой Д. Н. Узнадзе,— не снимают всего того положительного, что было сказано нами по поводу теории установки. Неоценимая помощь, которую идеи Узнадзе оказывают критике фрейдизма, заключается в том, что они предоставляют в наше пользование понятие, раскрывающее самое существо «бессознательного», как функционального сдвига, который будучи принципиально доступен для объективного исследования, выступает, вместе с тем, как фактор, обусловливаемый деятельностью и, в свою очередь, в дальнейшем влияющий на деятельность в ее наиболее сложном, «смысловом», содержательно-психологическом аспекте. Это — главное, а расхождения во мнениях по поводу природы этого сдвига, его отношения к сознанию, к высшей нервной деятельности и т. д., вероятно, еще в течение долгого времени будут иметь место, лишь стимулируя дальнейшее укрепление круга идей, которые разрушают последний оплот психоанализа.

Итак. Экспериментальными исследованиями школы Узнадзе было показано, что установки, которые субъектом не осознаются, могут тем не менее влиять на афферентные и эффекторные процессы, изменяя эти процессы в соответствии с предшествующим опытом. Поскольку установки могут формироваться на основе обобщенного восприятия действительности, они выступают как подлинно психологические факторы, обусловливаемые конкретным содержанием предшествующих переживаний и влияющие на содержательную сторону переживаний предстоящих.

[34] Д. Н. Узнадзе. Экспериментальные основы психологии установки, стр. 170.

Вместе с тем (вспомним вновь павловское: условный рефлекс — это явление одновременно и физиологическое и психологическое...) они являются важнейшими элементами неосознаваемой высшей нервной деятельности, подчиненными как многим нам уже хорошо известным нейрофизиологическим закономерностям, так и тем гораздо менее для нас пока понятным отношениям, которые определяют динамику второсигнальных форм мозговой активности.

Неосознаваемые установки выполняют, таким образом, ту же роль невидимого «моста» между определенными формами осознаваемых переживаний и объективным поведением, которую, по замыслу Фрейда, должно было выполнять его «бессознательное». Подытожим теперь, что же дает нам такое изменение природы «моста».

Первое преимущество, которое мы в результате такого изменения получаем, заключается в том, что перед нами раскрывается возможность подлинно научного исследования реальной и важной области человеческой психики. Это исследование подтверждает существование «бессознательного», но позволяет понять его не как парадоксальное, внутренне противоречивое и, по-существу, наивное представление о мыслях или эмоциях, которые никем субъективно не переживаются, а как объективное изменение функционального состояния нервной системы, как особую форму высшей нервной деятельности, рефлекторно определяемую факторами среды и, в свою очередь, влияющую на дальнейшее поведение субъекта.

Своеобразие неосознаваемых форм высшей нервной деятельности и, в частности, неосознаваемых установок заключается в том, что они обычно приводят к поведению, носящему приспособительный характер, предполагающему учет и логическую переработку множества сложных признаков и несущему на себе поэтому отпечаток «разумности». Именно это обстоятельство и побудило Фрейда обрисовать «бессознательное» как нечто, способное к напряженным стремлениям, к символической переработке психологических содержаний, к активным поискам удовлетворения, словом, как какое-то автономное психическое начало, враждебно противостоящее сознанию, а в отношении особенностей психологической организации мало чем от сознания отличающееся. Вместо этого мифа теория неосознаваемых форм высшей нервной деятельности подчеркивает обобщенный характер неосознаваемых установок. А то, что возникающее в результате процессов обобщения качество «разумности» может оказаться присущим эффектам неосознаваемой мозговой деятельности, вряд ли представится парадоксальным современникам кибернетических устройств, в которых высокая «разумность» объективных реакций достигается без участия не только сознания, но и какой бы то ни было нервной деятельности вообще.

Подход к проблеме «бессознательного» с позиции теории неосознаваемых форм высшей нервной деятельности создает, наконец, еще одно преимущество, которое в методологическом плане имеет главное значение.

Фрейдизм объявляет главным принципом взаимоотношений между сознанием и «бессознательным» принцип «вытеснения» и обхода этого «вытеснения» на основе «символизации». Благодаря такой трактовке все многообразие и разнородность связей между осознаваемыми и неосознаваемыми формами высшей нервной деятельности из рассмотрения фактически устраняются. При объективном же исследовании этих форм, именно с изучением этой сложности их взаимоотношений, связаны наиболее важные направления дальнейшей их экспериментальной и клинической разработки.

Есть многие основания думать, что в определенных случаях процессы неосознаваемой высшей нервной деятельности выступают, действительно, как антагонисты сознания, как активность, препятствующая деятельности сознания, мешающая этой деятельности и, в свою очередь, нарушаемая этой деятельностью. Яркие примеры такого функционального антагонизма можно видеть хотя бы при попытках осознанного воспроизведения процесса, принявшего благодаря частому повторению форму автоматизма. Концентрация внимания на таком автоматизированном действии нередко, как известно, последнее грубо нарушает. Иногда основой антагонизма «осознанного» и «неосознаваемого» может явиться, как это справедливо подчеркивает С. Л. Рубинштейн, и аффективная напряженность определенных переживаний, иногда здесь примешиваются и разнообразные другие факторы.

Вместе с тем у нас нет никаких оснований рассматривать подобные антагонистические отношения как основную и нормальную форму связи между сознанием и «бессознательным». Представление о подобных антагонистических отношениях, как об отношениях доминирующих, вступает в глубокое противоречие, прежде всего, со всеми традициями эволюционного подхода. Если сознание — это «высшая форма» психического, то неосознаваемые формы психической деятельности являются нейродинамикой низшего типа, но при всех условиях (поскольку речь идет о норме) они являются нейродинамикой «уравновешивания» в павловском смысле и, следовательно, активностью, действующей функционально в том же направлении, в каком действует активность сознания. Почти все упомянутые выше объективные исследования неосознаваемых форм высшей нервной деятельности, все, что дало изучение неосознаваемых установок, убедительно говорит в пользу необходимости считаться при рассмотрении отношений между сознанием и «бессознательным» со взаимодействиями, происходящими как по типу функционального антаго-

низма, взаимного торможения, обусловливающего распад содружественной координации осознаваемых и неосознаваемых процессов высшей нервной деятельности и выступающего наиболее отчетливо в условиях клинической патологии (а при особых условиях,— аффективном напряжении, утомлении, мешающих воздействиях, при обстановке «стрэсс'а» и т. п.— и в норме), так и по типу синергий, преобладающих в обычных условиях и способствующих адекватной организации самых различных форм поведения.

А эта изменчивость функциональных отношений между сознанием и «бессознательным» приводит к особенно подчеркиваемой с клинических позиций А. В. Снежневским изменчивости того, что является конкретным содержанием осознаваемой и неосознаваемой мозговой активности. Для фрейдизма «бессознательным» является то, что по своему содержанию неприемлемо для сознания. Такое понимание как бы наглухо привязывает одни содержания к «бессознательному», другие — к сознанию, и разграничительная линия между сознанием и «бессознательным» оказывается одновременно «железным занавесом» между двумя несообщающимися сферами содержательных переживаний. Этой надуманной статической, жесткой психоаналитической схеме теория неосознаваемых форм высшей нервной деятельности противопоставляет схему, носящую диаметрально противоположный характер и подчеркивающую гибкую изменчивость отношений к сознанию любого конкретного содержательного переживания. То, что в какой-то момент времени выступает в форме ясно осознаваемого психического феномена, может затем, утратив качество осознания, проявиться в форме неосознаваемого процесса, в форме неосознаваемой установки, чтобы затем вновь выступить в своем первом психологическом обличье и т. д.

Признание этой сложности, этой полиморфности и вариативности отношений, существующих между сознанием и «бессознательным», имеет глубокое методологическое значение. Такое понимание, не снимая проблемы неосознаваемого, не отрицая существования «бессознательного» и важной роли последнего в поведении, вместе с тем уничтожает наиболее ядовитую идеологическую сердцевину фрейдизма, то, что делает фрейдизм столь милым реакционерам всех мастей, а именно, оно в корне разрушает основные идеи З. Фрейда: об изначальном антагонизме сознания и «бессознательного» как двух противостоящих друг другу, разнородных сущностей; о функциональном примате «бессознательного»; о безысходной подчиненности сознания скрытым в душе человека примитивным влечениям; о вечном господстве инстинктов над разумом; о безнадежности борьбы против того, что только стыдливо завуалировано покровом цивилизации, но что продолжает неистребимо существовать, вечно напоминая о происхождении человека от зверя.

Чтобы закончить изложение, нам остается коснуться еще лишь одного вопроса.

По поводу теории Узнадзе происходило немало споров. Одна из развернутых дискуссий на эту тему состоялась в 1956 г. в Институте психологии АПН РСФСР. Во время этой дискуссии в адрес теории «установки» было сделано ее противниками много частных критических замечаний, но основное в учении Узнадзе,— глубокое решение этим учением проблемы «бессознательного»,— критическим обсуждением было почти не освещено. Те же, кто выступили в этой дискуссии в роли защитников теории установки, также не заостряли этой важной темы и не смогли поэтому показать решающее значение, которое идеи Д. Н. Узнадзе имеют в борьбе с фрейдизмом, а тем самым их позиции в споре были серьезно ослаблены.

В этом более чем осторожном отношении к проблеме «бессознательного», которое было проявлено всеми участниками дискуссии, прозвучало совершенно неправильное отношение к этой проблеме, существовавшее в советской науке многие годы; недооценка значения этой проблемы и глубоко ошибочное отождествление ее с тем специфическим и несостоятельным подходом к ней, который был разработан фрейдизмом. В настоящее время это неправильное отношение ломается. Доказательством тому является возобновление открытых дискуссий с психоаналитическим направлением, появление в нашей печати серьезных работ, содержащих обстоятельную критическую трактовку проблемы «бессознательного» (Е. В. Шороховой, Ф. Михайлова и Г. Царегородцева и др.[35]) и т. д. И этот сдвиг следует приветствовать и углублять, ибо в складывающейся в настоящее время обстановке острой идеологической борьбы с буржуазным мировоззрением преодоление влияний психоаналитической концепции является одной из важных задач. Следует помнить, что влияние этого учения проявляется не только в странах капитализма. Оно отнюдь не преодолено и в некоторых странах народной демократии. А преодолевать его можно, лишь терпеливо и конкретно раскрывая не только несостоятельность психоанализа, а также тот конструктивный подход к проблеме «бессознательного», который подсказывается современным состоянием советской науки.

---

[35] Ряд недавно опубликованных у нас крупных работ, затрагивающих проблему «бессознательного» лишь косвенным образом, также, бесспорно, имеет серьезное значение в деле борьбы с психоаналитическими представлениями. К таким работам относятся: «Лекции по психиатрии» (О. В. Кербиков. М., Медгиз, 1955); «О природе индивидуального сознания (в норме и патологии)» (А. А. Меграбян. Ереван, 1959); «Очерки по проблеме сознания в психопатологии» (М. О. Герцберг. М., Медгиз, 1961) и др.

Б. М. ТЕПЛОВ

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПСИХОЛОГИИ

Изучение типологических свойств нервной системы входит в психологию в контексте большой проблемы физиологических основ индивидуальных различий между людьми.

Вопрос об индивидуальных различиях всегда интересовал психологов. Но, как показывает история психологии, интерес к этому вопросу резко возрос с тех пор, как психология начала ставить перед собой практические задачи, с тех пор, как стали возникать прикладные отрасли психологии (психология труда, педагогическая психология, медицинская психология и т. д.). Если общая психология еще могла обходиться без систематического изучения индивидуальных различий, то для прикладной психологии это было просто невозможно. В прикладных отраслях психологии проблема индивидуальных различий давно уже стала одной из важнейших; этого требовали запросы практики.

Одно время сложилось даже такое положение: в то время как общая психология почти совсем отвлекалась от индивидуальных различий, прикладная психология грозила превратиться просто в психологию индивидуальных различий, в дифференциальную психологию. Отсюда — глубокий разрыв между общей и прикладной психологией, очень вредный как для одной, так и для другой.

Такое положение никак нельзя было считать нормальным: общая психология не может вычеркнуть из своего содержания проблему личности, а следовательно, и вопросы индивидуальных различий, а прикладная психология не может ограничиться изучением этих различий, да и в изучении индивидуальных различий она должна опираться на общие законы, устанавливаемые наукой.

Строго говоря, ни в одном разделе психологии нельзя принципиально отвлекаться от вопроса об индивидуальных различиях; такое отвлечение возможно лишь как временное самоогра-